

ПОКА ЗВУЧИТ ПЕСНЯ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ



Влад Велирский

Пока звучит песня

<https://litres.ru/74336404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Звукорежиссёр Нина Ланская готовит к закрытию старый Дом радио в Ладовом и обнаруживает невозможное свойство архивной студии: оригинальная магнитная лента позволяет вернуться в прошлое ровно на время одной песни. Наблюдателя никто не видит и не слышит, приблизиться к собственной прошлой версии нельзя, а каждый сеанс отнимает часть слуха.

Нина уверена, что двадцать лет назад отец намеренно ушёл от семьи после последнего эфира. Ради ответа она готова рискнуть профессией, нарушить запреты и открыть чужие записи. Но у каждого голоса есть владелец, у каждого согласия — границы, а запись хранит лишь тот фрагмент жизни, который оказался возле микрофона.

«Пока звучит песня» — эмоциональный роман с магическим реализмом о семейной тайне, цене окончательных ответов и мужестве услышать живых прежде, чем они станут архивом.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последняя инвентаризация	7
Глава 2. Тишина после ноты	29
Глава 3. Радиус записи	51
Глава 4. Цена повтора	70
Глава 5. Голос не пропуск	93
Глава 6. Копия без комнаты	110
Глава 7. Одна сторона разговора	129
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Влад Велирский

Пока звучит песня

От автора

У каждой семьи есть запись, которой не существует.

Не обязательно магнитная лента или старое видео. Иногда это разговор, который мы годами прокручиваем по памяти: слышим знакомую интонацию, точно знаем, где собеседник сделал паузу, и заранее отвечаем ему лучше, чем ответили тогда. С каждым повтором запись становится чище. Из неё исчезают случайные слова, скрип двери, чужой кашель в соседней комнате. Исчезает и то, что не помещается в выбранный нами смысл.

Эта книга началась с вопроса: что произошло бы, если человек получил возможность вернуться к такому разговору — не для того, чтобы вмешаться, предупредить или спасти, а только чтобы дослушать?

В романе возвращение длится ровно столько, сколько звучит одна песня. Оно не даёт власти над прошлым. Нельзя передать записку, удержать уходящего, встретиться с собой или вынести доказательство. Даже услышанное не обязательно будет полным: любая запись имеет границы, а человек всегда находится лишь в одной точке пространства.

Чудо здесь не отменяет обычных способов искать правду — разговора, документа, признания, иногда помощи врача или юриста. Оно только делает цену внимания буквальной.

Мне хотелось написать историю не о втором шансе исправить событие, а о первом шансе честно увидеть, как долго событие продолжало управлять настоящим. Герои этой книги приходят в студию с разными надеждами. Кто-то хочет оправдать умершего, кто-то — обвинить живого, кто-то надеется найти одну фразу, после которой годы сложатся в понятную схему. Но прошлое редко говорит законченными предложениями. Оно шумит, обрывается, оставляет человека за дверью и не знает, какую роль получит в чужой памяти.

Музыка тоже не обещает ответа. Песня может сохранить минуту точнее фотографии и всё равно ничего не объяснить. Она заканчивается независимо от того, успел ли слушатель понять главное. В этом ограничении есть жестокость, но есть и освобождение: ни одна мелодия не обязана звучать, пока мы наконец подберём правильные слова.

«Пока звучит песня» — роман о памяти, согласии и праве не превращать чужой голос в свою собственность. О людях, которые учатся различать заботу и контроль, хранение и присвоение, верность и бесконечное ожидание. Все песни, радиопередачи, исполнители, учреждения и города в книге вымышлены. Узнаваемые чувства принадлежат не одному прототипу, а многим людям, которым случалось мысленно возвращаться туда, где ничего уже нельзя изменить.

Лучше всего читать эту историю не торопясь и не пытаясь заранее решить, кому из героев следовало уехать, остаться, простить или потребовать ответа. У каждого возвращения будет своя цена. У каждого отказа от возвращения — тоже.

А когда песня закончится, останется настоящее. Не утешительный приз и не пустой коридор после чуда, а единственное время, в котором ещё можно совершить поступок.

Глава 1. Последняя инвентаризация

Приказ о закрытии студии Б пришёл в четверг в восемь сорок две, между прогнозом погоды и сообщением о прорыве трубы на Гончарной. Нина как раз вырезала из записи кашель заместителя мэра — не потому, что кашель запрещалось выпускать в эфир, а потому, что он пришёлся на слово «бесперебойно» и превратил обещание в насмешку.

На экране мигнул конверт. Тема письма была короткой: «К исполнению до 18:00». Такие темы придумывал Аркадий Рудин, директор Дома радио, человек, способный поставить двоеточие даже после слова «нет».

Нина сняла наушники. Без них монтажная сразу стала старше: загудела вентиляция, за стеной прокатили тележку, в батарее кто-то осторожно постучал ложкой. Здание бывшего речного училища умело изображать, будто в нём работают не сорок три человека, а целая флотилия призраков.

В приложении лежали приказ и таблица на шесть страниц. Студию Б следовало вывести из эксплуатации, фонд магнитных оригиналов сверить, пригодное передать в оцифровку, непригодное — в комиссию на списание. Пульты, стойки, микрофоны и два ленточных аппарата подлежали инвентаризации. Ключи нужно было сдать Рудину в понедельник до

полудня.

Нина перечитала последнюю строку.

В понедельник подрядчик начинал снимать акустические панели.

Она посмотрела через стекло монтажной на серую реку. В ноябре Ладовый становился городом из одного материала: вода, небо, крыши и лица делались жестяными. Только вывеска булочной напротив светилась тёплым жёлтым прямоугольником, словно там продавали не хлеб, а июль.

Нина открыла ответ и написала: «Принято». Потом стёрла точку. Снова поставила. Отправила.

Студию Б закрывали уже третий раз.

Первый раз — после того, как на потолке проступило бурое пятно и комиссия обнаружила над аппаратной трубу, которой не было на плане. Второй — когда новый пожарный инспектор измерил ширину коридора и спросил, кто разрешил хранить там катушки. Оба раза закрытие длилось неделю, затем месяц, потом превращалось в разговор, который все научились обходить. Но теперь здание продали. Северное крыло оставляли ради редакций, южное отдавали под гостиницу с видом на реку. Студия Б находилась ровно на линии будущего коридора между номерами «Лоцман» и «Капитан».

Нина сохранила выпуск, отправила его дежурному редактору и взяла связку архивных ключей. На круглом латунном жетоне буква «Б» почти стёрлась. Ключ был длинный, ста-

ромодный и каждый раз заедал, если повернуть его слишком уверенно.

— Ласково, — сказал из соседней монтажной Лев, не отрываясь от экрана. — С ним только ласково. Как с начальством и компрессором.

— Начальство смазывать нельзя.

— Вот поэтому и скрипит.

Лев поднял кружку в знак соболезнования. Ему было двадцать восемь, и он относился к старой аппаратуре с нежностью человека, который не застал времени, когда эта аппаратура ломалась в прямом эфире.

— Тебе уже пришло? — спросил он.

— Всем пришло.

— Я про приговор.

— Это инвентаризация.

— У палача тоже есть ведомость.

Нина не ответила. Если поддержать Льва, он мог развить любую фразу в пятиминутный монолог, а у неё до вечера были шесть страниц клеток и помещение, которое двадцать лет притворялось обычным складом.

Коридор южного крыла начинался за противопожарной дверью. Здесь уже отключили половину светильников. Окна были заклеены бумажными крестами, на подоконниках стояли коробки с надписями «КАБЕЛИ — НЕ МУСОР» и «МУСОР — ПРОВЕРИТЬ». Пахло пылью, мокрой штукатуркой и чем-то аптечным. Нина шла мимо дверей, на ко-

торых сохранились эмалевые таблички: «Литературная редакция», «Дикторская», «Перемоточная». За одной из них в детстве она ждала отца, сидя на стопке старых афиш и считая зелёные квадраты линолеума.

Она не любила вспоминать об этом именно здесь. Здание охотно подсовывало подробности, которых память не просила: царапину на дверной ручке, голос из репродуктора, запах его табака в шерстяном шарфе. При этом главное оно хранило плохо. Нина могла точно вспомнить, как отец стряхивал снег с плеч, но не могла восстановить последние слова, сказанные им дома.

Студия Б находилась в конце коридора. Ключ, как прежде, Лев, потребовал ласки: чуть влево, на себя, потом мягко вправо. Замок сдался с тяжёлым щелчком.

Внутри было холоднее, чем в коридоре. Два помещения разделяло двойное стекло: аппаратная с пультом и стойками, студия с микрофонным журавлём, пианино без крышки и серыми звукопоглощающими панелями. На стекле кто-то когда-то приклеил бумажную чайку. От времени один её край отогнулся, и птица будто пыталась улететь в аппаратную.

Нина включила верхний свет. Загорелись только две лампы из четырёх.

На столе лежала папка инвентаризации, оставленная хозяйственной службой. Первая строка: «Пульт режиссёрский РТ-12, год выпуска не установлен». В графе состояния уже стояло карандашом: «не используется». Нина зачеркнула и

написала: «требуется проверка». Не из сентиментальности. Слова «не используется» и «не работает» в муниципальных документах часто различались стоимостью списанного металла.

Она начала с микрофонов. Три корпуса, две стойки, один противовес без стойки. Затем кабели: целые, с повреждённой оплёткой, неопознанные. Через сорок минут пальцы стали серыми от пыли. Ещё через двадцать она нашла за стойкой алюминиевую ложку, две пуговицы и служебную записку 1996 года с требованием не ставить чайник на стабилизатор. Чайник, судя по круглому следу, продолжали ставить.

Ленточные аппараты стояли у дальней стены. Первый был поздний, девяностых годов, с пластиковой крышкой и выцветшими кнопками. Второй — тяжёлый серый шкаф на колёсах, выпущенный в 1978-м. На металлической панели сохранилась заводская табличка. Нина провела ногтем по выбитым цифрам и внесла номер в ведомость.

Аппарат был отключён от сети, но кабель аккуратно свёрнут и закреплён тканевой лентой. Головки закрыты самодельным колпачком. Кто-то заботился о машине уже после того, как она перестала быть нужна.

На нижней полке лежали коробки с катушками. Большинство имело архивные шифры, даты и подписи редакторов. Несколько были пустыми. Одна стояла ребром за ящиком с запасными лампами, словно её торопливо убрали с глаз.

Нина вытащила коробку.

На пожелтевшей наклейке синими чернилами было написано: «Последний эфир. 17.11. — контрольная». Год расплылся от влаги, но почерк она узнала сразу. Отец писал цифру семь с перекладиной и слишком сильно нажимал на последнюю букву, так что бумага рвалась под пером.

Нина положила коробку на стол и отступила.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы снова услышать помещение: гул лампы, редкие капли за стеной, шорох собственной куртки. Сердце не билось громче — оно просто переместилось куда-то под горло.

Последний прямой эфир отца состоялся двадцать лет назад. Он вёл ночную музыкальную программу «Береговой огонь» вместо заболевшего коллеги. Утром вернулся домой, поспал три часа, собрал сумку и сказал матери, что ему нужно уехать. Через месяц погиб на трассе в ста семидесяти километрах от Ладового. Почему он оказался там, семья так и не узнала. Мать называла это бегством. Нина — подтверждением.

Запись эфира считалась утраченной.

В архивной базе имелась карточка: две катушки, оригинал повреждён, копия отсутствует. Нина видела эту карточку сотни раз и ни разу не открывала бумажное дело. Утрата была удобной формой завершённости. Утраченный голос не мог оправдаться, соврать или сказать что-нибудь совсем не относящееся к тебе.

Она сняла крышку. Внутри лежала катушка с коричневой

лентой и маленький листок: «Часть 2. Песня с 21:14. Не выдавать до сверки журнала».

Подпись отсутствовала.

Нина села на край стула. Рядом лежал служебный телефон, и правильных звонков было несколько. Рудину — сообщить о находке. Архивисту Марине — запросить дело. Технику — проверить аппарат. Можно было сфотографировать коробку и не прикасаться к ленте до комиссии.

Она сделала фотографию.

Потом открыла электронную базу на планшете. Шифр на коробке принадлежал совсем другой передаче — детскому выпуску о речных птицах. В журнале выдачи строка за 17 ноября была пуста. В старом каталоге, отсканированном как набор картинок, последняя страница месяца отсутствовала.

Нина посмотрела на двойное стекло. Бумажная чайка держалась одним крылом.

Если позвонить Рудину сейчас, коробку опечатают. Если не позвонить, она нарушит правила, которые сама заставляла соблюдать стажёров. «Архив начинается не с полки, — говорила Нина, — а с момента, когда ты перестаёшь считать находку своей».

Фраза вернулась к ней голосом Льва, который недавно передразнивал её на корпоративе.

Она набрала Марину.

— Скажи, у нас техник по старым аппаратам сегодня есть?

— Фёдор на больничном, — ответила архивистка. — А

что?

— Инвентаризация. Хочу понять, живой ли семьдесят восьмой.

— Если тот серый в Б, он в прошлом году крутился. Медленно, но крутился. Лев чистил тракт перед выставкой, только выставку отменили.

— Документы на проверку есть?

— Должны быть в папке студии. Нин, ты там одна?

— Да.

— Не включай обогреватель. Он выбивает всё крыло.

— Я помню.

Нина завершила вызов, не спросив о ленте. Это было первое осознанное действие, которое нельзя было объяснить обычной инвентаризацией.

В папке действительно лежал акт: аппарат проверен без ленты, электропитание исправно, тормозной механизм требует наблюдения. Дата — прошлый декабрь. Подпись Льва и подпись Рудина.

Нина развернула кабель, проверила напряжение на блоке и подключила аппарат. Внутри щёлкнуло реле. Загорелся один жёлтый индикатор, второй помедлил и тоже ожил. Машина просыпалась без достоинства: загудела, дрогнула, выпустила запах нагретой пыли.

Нина могла остановиться ещё тогда.

Вместо этого она надела хлопковые перчатки, осмотрела край ленты и осторожно поставила катушку. Плёнка была

сухой, без липкого налёта. Она протянула её через направляющие и головки на пустую приёмную катушку. Движения помнились телом. Отец учил её в этой же аппаратной, когда ей было двенадцать: не тянуть, не давить, дать ленте самой лечь в паз.

— У машины нет терпения исправлять тебя, — говорил он.

Она не знала, вспомнила ли точную фразу или сочинила её за годы.

На пульте Нина опустила мастер-громкость, выбрала левый канал и вывела сигнал на малые мониторы. Для проверки хватило бы нескольких секунд. Она записала время в рабочий журнал: 11:47, тест аппарата, лента без подтверждённого шифра.

Палец лёг на зелёную кнопку.

Лента пошла.

Сначала раздался ровный шорох. Потом короткий удар, будто микрофон задела рукавом. Из мониторов донёсся голос отца:

— До конца четыре двадцать. После отбивки не торопись.

Нина выключила аппарат.

Катушки ещё вращались. Приёмная сделала оборот, другой, остановилась.

Голос был моложе того, который она хранила. Не ниже и не выше — свободнее. В памяти отец всегда говорил уже из будущего, в котором собирался уйти. Даже просьба купить

молоко звучала там как подготовка к исчезновению. Здесь он просто давал кому-то рабочее указание.

Нина сняла перчатки. Пальцы дрожали, и это её разозлило. В записи не было ни признания, ни прощания. Пять слов и длительность песни. Она услышала ровно то, что должна была слышать на служебной плёнке.

Она снова нажала пуск.

Шорох, удар рукавом, голос:

— До конца четыре двадцать. После отбивки не торопись. В этот раз Нина не остановила ленту.

Из мониторов вступила песня — незнакомая, с женским голосом и редкими ударами барабана. Мелодия была простой, но не узнаваемой. Нина машинально следила за уровнями. Левый канал проваливался, правый держался. На секунде в записи хлопнула дверь.

Одновременно хлопнула дверь аппаратной.

Нина обернулась.

За спиной никого не было. Дверь оставалась закрытой.

Она сняла один наушник, хотя не помнила, когда успела их надеть. Песня продолжала звучать из мониторов, но теперь к ней примешивался коридорный шум: шаги, звон ключей, далёкий женский смех. Не фон записи — пространство за дверью. Его глубина была другой. Звук шёл не из динамиков.

Лампы под потолком погасли.

В студии за стеклом вспыхнул красный сигнал «ЭФИР».

Нина вскочила. Стул откатился, но удара о стену она не услышала. Вместо нынешнего холодного коридора за дверью шумел живой Дом радио: звонили телефоны, кто-то бежал по линолеуму, из дикторской доносился смех. Щель под дверью светилась тёплым, старым светом.

Песня вступила во второй куплет.

Нина повернула регулятор громкости вниз. Музыка не стала тише.

Она нажала стоп. Кнопка ушла под пальцем, катушки продолжили вращаться.

Тогда Нина выдернула кабель из розетки.

Жёлтые индикаторы погасли, но лента шла, и голос пел.

Страх пришёл не сразу. Сначала Нина пыталась найти техническую причину, потому что техническая причина всегда имела край: наведённый сигнал, резервное питание, ошибочно открытый канал. Она проверила пульт, коснулась холодного металлического корпуса. Катушки вращались без питания. Приёмная наматывала ленту ровно, не ускоряясь.

За стеклом студия была уже не пустой.

Там стояли два микрофона вместо одного, на пианино лежала красная папка, а панели были обтянуты светлой тканью. У стекла прошла женщина в больших наушниках. Она не посмотрела на Нину. Бумажной чайки не было.

Нина подошла ближе.

Собственное отражение исчезло. Стекло больше не отражало аппаратную — оно показывало её такой, какой она бы-

ла двадцать лет назад. У пульта сидел отец. Серый свитер, рукава закатаны, карандаш за ухом. Он слушал песню и следил за секундомером. Нина увидела его профиль так ясно, что тело сделало шаг прежде, чем она успела подумать.

В тот же миг звук пропал.

Не стихла песня. Исчез весь мир.

Отец продолжал двигаться за стеклом, стрелка секундомера шла, женщина у микрофона поправила наушники, но Нина не слышала ничего: ни их, ни себя, ни вращения катушек. Тишина была не отсутствием звука, а плотной ватой, мгновенно заполнившей голову.

На стекле проступило нынешнее отражение Нины — бледное лицо поверх отцовского профиля.

Она отшатнулась.

Звук вернулся рывком. Сначала низкий гул, потом барабан, затем голос. Нина ударилась бедром о стол, схватилась за край. Отец поднял голову, словно услышал что-то в коридоре, но смотрел не на неё. Между ними оставалось два метра и двадцать лет, и оба расстояния нельзя было пройти.

Песня заканчивалась.

Нина увидела, как он снял наушники. К нему подошёл мужчина в коричневом пиджаке, заслонил лицо. Отец протянул ему красную папку. Мужчина покачал головой. Они заговорили, но музыка стала громче, и слов Нина не различила. Она двинулась вдоль стекла, пытаясь увидеть собеседника.

Последний аккорд оборвался.

Аппаратная мигнула.

Нина стояла у стола, держась за край. Лампы снова горели. За стеклом — пустая студия, серые панели, один микрофон и бумажная чайка. Катушки остановились. Кабель лежал на полу, выдернутый из розетки.

Стул был у стены. Значит, хотя бы часть произошедшего случилась не только у неё в голове.

Нина посмотрела на часы. 11:52.

Песня длилась четыре минуты двадцать секунд.

Она не сразу заметила, что в помещении изменился звук. Гул вентиляции стал ниже и ближе. Капли за стеной превратились в тяжёлые удары. Зато исчез тонкий писк блока питания — тот самый, на который Нина успела мысленно пожаловаться, когда включила аппарат.

Она подняла телефон. Экран загорелся, но обычного электронного звона разблокировки не было. Нина прибавила громкость. Ничего.

Собственный вдох звучал глухо. Она потёрла пальцы у правого уха, затем у левого. Шорох кожи слышался, но не одинаково. Высокие частоты пропали справа, будто кто-то аккуратно срезал верх мира.

Нина включила на телефоне тестовый генератор. Тысячу герц слышала. Четыре тысячи — только левым ухом. Восемь тысяч не слышала вовсе.

Она выключила сигнал и несколько секунд смотрела на

экран.

Первой мыслью было вызвать Ольгу, сурдолога из городской поликлиники, которая дважды в год проверяла сотрудников радио. Второй — позвонить Рудину. Третьей — перемотать ленту к началу и проверить, повторится ли эффект.

Третья мысль напугала сильнее первых двух.

В коридоре за дверью слышались шаги. Теперь Нина различала их плохо, словно человек шёл в толстых носках.

— Нина? — крикнул Лев. — Ты там обогреватель не включала?

Она быстро надела крышку на коробку и поставила её под стол.

Лев открыл дверь, держа в руках две кружки. Ключ ему не понадобился: Нина оставила замок открытым.

— Кофе за вредность, — сказал он. — В северном крыле моргает сеть. Тут всё нормально?

— Нормально.

Слово прозвучало для неё самой слишком низко.

Лев поставил кружку на пульт и посмотрел на аппарат.

— Ты его запускала?

— Проверяла механику.

— Без меня?

— Ты занят.

— Я всегда занят чем-то, что охотно брошу ради машины семьдесят восьмого года.

Он наклонился к панели. Нина заслонила нижнюю полку

ногой.

— Кабель почему на полу?

— Контакт греется.

Лев протянул руку, но она сказала резче, чем хотела:

— Не трогай.

Он выпрямился.

— Ладно. Не трогаю. У тебя кровь.

Нина коснулась бедра. На джинсах темнела узкая полоса: она рассекла кожу об угол стола.

— Ерунда.

— У нас разные определения нормальной инвентаризации.

— Принеси аптечку.

— Она у входа.

— Тогда я потом.

Лев посмотрел на неё внимательнее. Под его шутливостью всегда скрывался хороший слух — не только профессиональный, но человеческий. Поэтому рядом с ним было удобно работать и трудно лгать.

— Что было на ленте?

— Служебный фрагмент.

— Какой?

Нина взяла кружку. Кофе был горячим, запах сильным, но она почти не слышала тонкого звона ложки о край.

— Неидентифицированный. Я сверю шифр.

— Нин.

— До сверки это просто носитель без описания.

— Ты говоришь как инструкция к огнетушителю.

— Потому что у нас приказ на списание, а не кружок археологии.

Лев поднял ладони.

— Хорошо. Но если будешь включать ещё раз, позови. Тормоз здесь гуляет, ленту сжует — потом будешь сращивать всю ночь.

— Позову.

Это была вторая ложь. Первая состояла в том, что она назвала увиденное служебным фрагментом. Вторая — в обещании свидетеля.

Лев ушёл, прикрыв дверь. Нина дождалась, пока шаги растворятся. Потом достала коробку и убрала катушку в запираемый шкаф с неразобранными оригиналами. Ключ от шкафа лежал в папке; она сняла его с проволочного кольца и положила в карман.

На рабочем журнале зелёной ручкой оставалась запись: «11:47, тест аппарата, лента без подтверждённого шифра».

Ниже, на строке, которую Нина не заполняла, стояло время окончания: 11:52.

Почерк был её.

Она провела пальцем по чернилам. Они не размазывались. Возможно, она записала время сразу после возвращения и не запомнила. Возможно, сделала это до запуска, автоматически рассчитав длительность. Оба объяснения были

плохими, но годились для дня, в котором катушки вращались без электричества.

Нина вырвала страницу.

Движение оказалось таким быстрым, что она поняла его смысл только по сухому треску бумаги. В журнале остался неровный корешок, номера страниц перескочили с сорок седьмого на сорок девятый. Спрятать прогон теперь было невозможно. Она могла скрыть содержание, но оставила материальный пропуск — аккуратный, пронумерованный след собственного страха.

Вырванный лист Нина сложила вчетверо и сунула во внутренний карман куртки.

Потом открыла ведомость и продолжила считать имущество.

Пульт РТ-12 — требует проверки.

Аппарат ленточный, 1978 год — работоспособность ограниченная.

Катушки архивные — двадцать семь единиц.

Она написала «двадцать семь», хотя на полке их было двадцать восемь.

К четырём часам Нина закончила таблицу. Высокие частоты не вернулись. Она проверяла их всякий раз, когда оставалась одна: щёлкала ногтем по стеклу, запускала короткий сигнал, шуршала листом у правого уха. Мир сохранял форму, но потерял блеск. словно кто-то накрыл его старым одеялом.

В дверь постучали. Рудин вошёл, не дожидаясь ответа. На нём было пальто, хотя в здании он обычно ходил в рубашке с закатанными рукавами.

— Успеваете?

— Ведомость готова. По фонду нужна сверка.

Он бегло просмотрел таблицу.

— Двадцать семь катушек?

— Да.

Нина ненавидела, что ответила без паузы. Честная цифра потребовала бы сосчитать. Ложная уже была выучена.

Рудин подошёл к старому аппарату. Его взгляд задержался на пустом кольце, где раньше висел ключ от шкафа.

— Запускали?

— Коротко. Механика идёт, контакт нагревается.

— Что ставили?

— Техническую ленту.

Он посмотрел на неё, затем на кабель у стены.

— Как слух?

Вопрос прозвучал буднично, почти небрежно. Но Нина почувствовала, как пальцы сами сжали край папки.

— А что со слухом?

— В этом помещении низкий фон. После часа работы у многих звенит в ушах.

— Я здесь меньше часа.

Рудин перевёл взгляд на журнал. Перелистнул страницы, заметил пропуск. Ничего не сказал.

— До понедельника аппарат не включать, — произнёс он.

— Завтра придёт электрик.

— В приказе проверка оборудования.

— Вы проверили.

— Откуда вы знаете?

— Вы только что доложили.

Он закрыл ведомость и положил её на стол слишком ровно, совместив угол с краем.

Нина могла спросить прямо. Почему он первым делом заговорил о слухе? Почему подписал прошлогодний акт? Почему не удивился вырванной странице? Вместо этого она выбрала вопрос, который не выдавал её полностью.

— Здесь проходили записи двадцать лет назад?

— Здесь проходили записи сорок лет.

— Последний «Береговой огонь»?

Лицо Рудина не изменилось. Только правая рука ушла в карман пальто.

— Фонд этой программы давно сверяли.

— Не весь.

— Нина, — сказал он тихо, — ваша задача сейчас не искать семейный архив.

— Я не говорила, что ищу.

— Вы никогда не говорите. Поэтому вам кажется, что другие тоже молчат случайно.

За окном студии темнело. В стекле отражались они оба: Нина у стола, Рудин у аппарата, между ними бумажная чайка

с отклеившимся крылом.

— Ключи в понедельник до двенадцати, — повторил он.
— Если найдёте неучтённые записи, не проигрывайте. Опечатайте и звоните мне.

— Почему?

— Потому что это правило архива.

— Не техническое?

Он задержался у двери.

— Любое хорошее правило архива однажды было техническим. Потом все забыли, что именно случилось.

Рудин ушёл.

Нина стояла неподвижно, пока не услышала — вернее, не почувствовала по вибрации пола, — как закрылась противопожарная дверь в конце коридора.

Она вынула из кармана вырванную страницу. На сгибе проступили зелёные чернила. Под записью о прогоне теперь виднелась ещё одна строка, которой раньше не было:

«Высокие — справа. Не повторять до восстановления».

Почерк снова был её.

Нина перевернула лист, словно с обратной стороны могло находиться объяснение. Там был только отпечаток цифр.

Она сфотографировала обе стороны, положила лист в конверт и запечатала его скотчем. На конверте написала дату и время. Потом вернулась к шкафу, проверила замок и подёргала дверцу.

Катушка оставалась внутри.

Правильным следующим действием было сообщить Рудину, потребовать медицинский осмотр и составить акт о нештатном происшествии. Нина знала форму акта наизусть. Знала, в какой графе описывать последствия, в какой — возможные причины, где ставить подпись свидетеля.

Свидетеля не было.

Она выключила свет и вышла в коридор. Перед тем как запереть дверь, посмотрела на старый аппарат. В темноте его индикаторы не горели. Из студии не доносилось ни музыки, ни голосов.

Только уже в монтажной Нина открыла электронный журнал и внесла официальный результат: «Студия Б. Инвентаризация начата. Выполнен холостой прогон аппарата. Отклонений, требующих аварийной остановки работ, не выявлено».

Система поставила время — 17:36 — и её имя.

Нина нажала «Сохранить».

Теперь необъяснимый прогон существовал дважды: один раз на вырванной странице, другой — в электронной базе под видом холостого. Между ними лежали четыре минуты двадцать секунд, голос отца и коридор, в котором двадцать лет назад горел тёплый свет.

Она закрыла программу, но домой не пошла.

До семи Нина искала старые акты проверки аппарата. Нашла три. Во всех стояла подпись Рудина. В акте десятилетней давности рядом с серийным номером была приписка простым карандашом: «ВЧ, левое ухо, семь суток».

Нина перечитала её несколько раз.

Затем сфотографировала документ, вернула папку на место и написала Ольге сообщение:

«Можно завтра с утра проверить слух? Производственный шум. Без оформления, если всё нормально».

Ответ пришёл почти сразу:

«Можно. Но если производственный, без оформления обещать не буду».

Нина убрала телефон. В опустевшем Доме радио работала вечерняя смена, однако после утраты высоких частот здание казалось заброшенным. Голоса за стенами стали глухими, вода в трубах — тяжёлой, шаги — осторожными. Мир ничего у неё не отнял целиком. Он лишь убрал тонкий слой, который прежде казался необязательным.

Из кармана куртки пахло старой бумагой.

Нина коснулась конверта и впервые позволила себе сформулировать случившееся без технических замен.

Она видела отца.

Он не видел её.

И Аркадий Рудин знал цену этого заранее.

Глава 2. Тишина после ноты

В кабинете Ольги всё было рассчитано на людей, которым предстояло услышать плохие новости. Свет не бил сверху, а стекал по матовому плафону. На подоконнике стояла толстянка в горшке с нарисованным ухом. Даже аппарат для аудиометрии прятался за ширмой, будто стеснялся своей способности превращать человеческий слух в ломаную линию.

— Производственный шум, — повторила Ольга, не поднимая глаз от карты. — Какой именно?

— Резкий. Короткий.

— Выстрел?

— Нет.

— Обратная связь в наушниках?

— Возможно.

Ольга поставила ручку поперёк листа.

— Нина, обратная связь — не погодное явление. Ты была в наушниках или нет?

— Нет.

— Тогда где возник звук?

За дверью по коридору прокатилась тележка. Нина услышала дребезг колёс левым ухом и тяжёлое перекатывание — правым. Ночь не вернула миру верхнюю кромку. Она просыпалась каждые два часа и щёлкала ногтем по стеклянно-

му стакану, пока мать из соседней комнаты не спросила, что случилось. Пришлось сказать, что в батарее воздух.

— В старой студии, — ответила Нина. — Я проверяла ленточный аппарат. Кабель искрил.

— Искру видела?

— Нет.

— Хлопок слышала?

— Там всё произошло одновременно.

— Что — всё?

Нина посмотрела на плакат с разрезом уха. Улитка на нём была нежно-розовой, почти кондитерской. Очень простое устройство: звук входил, проходил знакомый путь, превращался в сигнал. На плакате не было места для коридора двадцатилетней давности.

— На секунду оглохла полностью. Потом звук вернулся, кроме высоких справа.

Ольга взяла ручку.

— Вот это надо было сказать сразу.

Она вписала время, расспросила о тошноте, боли, головокружении, лекарствах. На каждый вопрос Нина отвечала честно и всё равно лгала, потому что не называла причину. Ольга не ловила её на словах. Она отмечала ответы короткими штрихами, и от этого становилось хуже: ложь обретала медицинскую форму.

— В кабину, — сказала Ольга. — Телефон оставь здесь.

Звукоизолированная дверь закрылась мягко. Нина села,

надела наушники и взяла кнопку. Через стекло Ольга показала: начинаем.

Первый тон появился слева — чистый, осторожный. Нина нажала. Потом ещё. Она знала процедуру и ненавидела знание: нельзя угадывать ритм, нельзя нажимать из желания порадовать врача, нельзя превращать проверку в экзамен. Справа низкие частоты пришли вовремя. Средние тоже. Затем Ольга повернула регулятор, и пауза стала длиннее.

Нина ждала.

За стеклом Ольга смотрела на шкалу. Её палец снова лёг на клавишу.

Ничего.

Нина не нажала кнопку.

Тон возник громче, не столько зазвучал, сколько кольнул издали. Она ответила. Следующий пришлось ждать ещё дольше. На восьми тысячах герц справа не было даже укола.

Когда дверь открылась, обычный кабинет показался шумным. Шелест бумаги, гул системного блока, скрип Ольгиного халата — всё стекалось слева, сдвигая комнату набок.

Ольга положила перед Ниной две аудиограммы. На прошлогодней линии шли почти ровно. На новой правая резко падала после четырёх тысяч.

— Высокочастотная потеря, — сказала она. — Пока не называю её постоянной. Сколько прошло?

— Двадцать один час.

— Очень точный производственный шум.

— Я посмотрела время в журнале.

— Где акт?

— Не оформляла.

— Почему?

— Потому что хочу сначала понять, было ли это связано с работой.

Ольга отодвинула прошлогодний лист.

— Ты сидела на работе возле оборудования. После события получила измеряемое нарушение. Связь с работой уже есть, даже если аппарат не виноват. Я назначу повтор через сорок восемь часов. До него — никакого громкого звука, никаких наушников, никаких проверок аппаратуры. Если появится шум, головокружение или ухудшится разборчивость речи — сразу в стационар.

— А оформление?

— Сделаю запись об обращении.

— Оль.

— Нет. Ты попросила «без оформления, если всё нормально». Всё не нормально.

Нина провела пальцем по линии. Провал выглядел не страшно, а деловито. Так бухгалтерская таблица могла сообщить, что у учреждения больше нет денег на крышу.

— Может восстановиться?

— Может. Ухо не любит обещаний. Я тоже.

Ольга сняла очки и потёрла переносицу.

— В студии Б?

Нина подняла глаза.

— Почему ты решила?

— Потому что все остальные помещения ты называешь по номеру, а старую студию — «старая студия». И потому что вчера Рудин звонил в регистратуру, спрашивал, работаю ли я сегодня.

Комната ещё сильнее накренилась влево.

— Что именно он сказал?

— Ничего о тебе. Спросил расписание и отменил разговор. Я не обязана разгадывать ваши архивные шарады, но обязана знать, чем тебя накрыло.

Нина сложила аудиограмму пополам, потом расправила. Ольга молча подвинула прозрачный файл: медицинские бумаги не следовало мять только потому, что их содержание не нравилось.

— Пока я сама не понимаю.

— Тогда води себя как человек, который не понимает опасность. Не повторяй её.

— Я и не собиралась.

Ольга посмотрела на неё поверх очков.

— Это было бы убедительнее, если бы ты не попросила вернуть тебе результат на руки.

Нина положила аудиограмму в сумку.

— Через сорок восемь часов.

— Послезавтра в девять. И приведи того, кто был рядом.

— Никого не было.

— Вот это, — сказала Ольга, — самая плохая часть всей истории.

К Дому радио Нина пришла после одиннадцати. Дождь за ночь превратился в мелкую ледяную крупу. На ступенях лежала соль, в вестибюле пахло мокрой одеждой и старой проводкой. Вахтёрша Вера Семёновна протянула журнал ключей, но ключ от студии Б в своей ячейке отсутствовал.

— Лев взял, — сказала она. — Минут десять назад.

— На каком основании?

— На основании своей подписи. Красивой, между прочим.

Нина развернула журнал к себе. Лев расписался в 10:54 и в графе цели написал: «Сверка коммутации».

— Если спросит, меня не было.

— Он уже спросил.

— И что вы сказали?

— Что тебя не было. Я правду выдаю всем одинаковую, иначе запутаюсь.

Нина не дождалась лифта. На втором этаже правое ухо заложило от собственного дыхания. Она остановилась у противопожарной двери, заставила себя идти медленнее. Ольга запретила громкий звук, а не лестницы, но сердце почему-то билось именно справа.

Студия Б была открыта. В аппаратной горел верхний свет. Лев сидел перед служебным компьютером и просматривал электронный журнал. Старый аппарат оставался отключён-

ным; шкаф с катушкой был заперт.

— Ключ верни, — сказала Нина.

— Доброе утро.

— Ты не назначен на инвентаризацию.

— Зато назначен на обслуживание коммутации. Кабель, который «греется», идёт в мою ведомость.

Он развернул монитор. На экране стояла её вчерашняя запись: холостой прогон, отклонений нет.

— Нина Ланская никогда не называет прогон холостым, если на тракте стоит лента. А если ленты нет, она пишет «проверка механики без носителя». Я учился у очень въедливого человека.

— Поздравляю с хорошим образованием.

— Ещё этот человек оставил аппарат без питания, вырвал страницу из бумажного журнала и спрятал ключ от шкафа. Потом директор, который год требует сдать всё на металлолом, внезапно вызвал электрика лично. Электрик, кстати, не придёт. Заявки нет.

Нина сняла сумку, положила её на стол. Между ними оставалось достаточно пространства, но Лев всё равно отодвинулся от шкафа, показывая, что не пытался его открыть.

— Ты копался в заявках?

— Проверял свою работу.

— Как благородно.

— Что было на ленте?

— Архивная запись.

— Это я уже понял. Что случилось с тобой?

Нина не ответила.

Лев присмотрелся к её лицу, затем щёлкнул пальцами справа. Она повернулась слишком поздно.

— Так, — сказал он без прежней насмешки. — Насколько?

— Не твоё дело.

— После вчерашнего — моё.

— Вчера тебя здесь не было.

— Именно. Ты обещала позвать.

— Я не проводила опыт.

— Тогда почему врёшь в журнале?

Она могла приказать ему выйти. Формально студия находилась в её зоне ответственности, ключ он взял под ложным предлогом, доступ к фонду ему не требовался. Но формальности уже однажды помогли ей назвать путешествие в прошлое холостым прогоном. Второй раз они не казались надёжными.

Нина достала аудиограмму и положила перед ним.

— Высокие справа. Временно — если не повторять до восстановления.

Лев смотрел не на провал линии, а на её лицо.

— До восстановления чего?

— Слуха.

— Я понял. Что именно нельзя повторять?

— Проигрывание.

— Потому что аппарат ударил током?

— Нет.

— Излучение? Ультразвук?

— Нет.

— Тогда говори нормально.

Нина подошла к двери в студию и увидела за стеклом пустой микрофон. Бумажная чайка всё ещё лежала на пульте. Вчера у неё было целое крыло. Сегодня надрыв дошёл до сгиба.

— На ленте был последний эфир отца, — сказала она. — Когда началась песня, я оказалась здесь двадцать лет назад.

Лев не засмеялся. Это рассердило её сильнее, чем смех.

— Как — оказалась?

— Видела студию. Людей. Отца. Они меня не видели и не слышали. Я не могла ничего тронуть. На последней ноте вернулась.

— Ты потеряла сознание?

— Стояла у стола.

— Галлюцинация от поражения током?

— Кабель был выдернут. Катушки вращались.

Лев посмотрел на штепсель у стены, потом на аппарат. Профессиональное любопытство проступило прежде страха, и Нина поняла, почему скрыла от него правду. Не потому, что он не поверил бы. Потому что поверил бы руками.

— Ленту покажи.

— Нет.

— Я не собираюсь её включать.

— Ты десять минут назад взял чужой ключ под выдуманную сверку.

— Потому что ты десять часов врал.

— И оказалась права.

Лев встал. Обычно он двигался быстро, будто каждая комната была монтажной и из неё следовало вырезать паузы. Теперь подошёл к пультам медленно.

— Если это неврологический приступ, тебе нельзя оставаться одной. Если дело в аппарате, его нельзя оставлять без технической проверки. Если ты правда видела прошлое, — он запнулся лишь на слове «правда», — тем более нельзя решать одной.

— Можно. Достаточно не включать.

— Тогда зачем ты забрала ключ, а не опечатала шкаф?

Нина почувствовала конверт во внутреннем кармане. Потому что хотела вернуться. Потому что четыре минуты двадцать секунд не ответили ни на один вопрос и добавили мужчину с красной папкой. Потому что запрет Рудина прозвучал не как забота, а как признание.

— Я опечатаю сегодня.

— После восстановления слуха ты запустишь снова.

— Возможно.

— Тогда я буду здесь.

— Нет.

— Или я сейчас иду к Рудину с журналом и твоей аудио-

граммой.

— Это шантаж.

— Это свидетель, которого ты сама не оставила себе вчера.

Он произнёс это спокойно. Нина подошла ближе и забрала лист. Лев не удерживал.

— Катушка отца длится четыре минуты двадцать секунд. Я к ней не притронусь, пока слух не восстановится.

— Хорошо.

— Для проверки найдём короткую служебную запись. Не голос. Не личный архив. Не больше минуты.

— Песню, — уточнил Лев. — Ты сказала, всё началось на песне.

— Короткую заставку с музыкальной основой. Оригинал, который записывали здесь. Сначала проверим права и журнал.

— И тракт.

— Без запуска.

— И ты расскажешь всё, что помнишь.

— После контрольного осмотра.

— Я присутствую при осмотре аппарата.

— Ты стоишь у двери и ничего не трогаешь.

Лев протянул руку, словно они заключали договор на установку окон.

— И если что-то идёт не так, я выдёргиваю питание.

— Вчера питание ничего не решило.

Его рука медленно опустилась.

Они не скрепили договор рукопожатием, но весь оставшийся день соблюдали его так тщательно, будто подписи уже стояли. Нина опечатала катушку отца номерной полосой. Лев проверил аппарат с омметром, не включая двигатель. Потом они разошлись по фонду в поисках короткой записи, пригодной для безопасного опыта.

Безопасность оказалась словом, которое легко написать в таблице и трудно наполнить содержанием.

Большинство старых музыкальных заставок хранилось в копиях. На оригиналах были голоса дикторов, детские хоры, позывные с названиями реальных предприятий или посвящения конкретным людям. Нина отбрасывала всё, что могло превратить проверку в вторжение. Лев спорил с каждым третьим отказом, но не доставал ленты без её разрешения.

К вечеру они нашли коробку с надписью «Весенний причал. Проба. 0:47». В учётной карточке значилось: инструментальная пьеса штатного ансамбля, записана в студии Б двадцать один год назад, права переданы Дому радио для бессрочного вещания и архивного хранения. Лента была исходной монтажной склейкой. Голосов не было.

На обороте карточки Нина увидела фамилию помощника: «Л. Горин».

— Это ты? — спросила она.

Лев взял карточку и прищурился.

— Практика после училища. Кабели таскал, чай завари-

вал. Мне девятнадцать было.

— Ты находился в студии во время записи?

— Наверное. Не помню.

— Тогда не подходит.

— Почему?

— Потому что ты можешь увидеть себя.

— И что?

— Я не знаю.

Он перевернул карточку.

— Ты видела отца, а не себя.

— Именно.

— Другой записи короче минуты у нас нет.

— Значит, подождём и найдём.

— До демонтажа четыре дня. Завтра Рудин опечатает аппарат уже своей печатью.

— Тем лучше.

— Ты в это не веришь.

Нина забрала коробку. Картон был прохладным, угол промялся под большим пальцем. Сорок семь секунд. В десятом классе сорок семь секунд хватило, чтобы она услышала в прихожей родительский спор, поднялась к себе и решила не возвращаться. Двадцать лет эта минута называлась ночью, когда отец ушёл. Теперь она знала, что память умела монтировать не хуже неё.

— Послезавтра после осмотра, — сказала она. — Если диапазон вернётся полностью. Ты остаёшься в аппаратной.

Даже если увидишь себя — не приближаешься. Не пытаешься заговорить. Ничего не трогаешь.

— Ты же сказала, трогать нельзя.

— Не проверяешь, можно ли.

— Принято.

Нина положила ленту в отдельный сейф-пакет и вписала номер в журнал. На этот раз не вырывала страницу.

Высокие частоты вернулись утром следующего дня — не сразу, а тонкой полосой. Сначала справа зазвенела ложка о чашку. Затем в коридоре она услышала писк неисправной лампы. Звук раздражал, и Нина стояла под лампой, улыбаясь, пока уборщица не попросила её не загораживать проход.

Она не стала считать это восстановлением. Дождалась назначенного времени и снова села в кабину Ольги.

Лев пришёл без шуток, сел у стены и держал её сумку на коленях. Ольга не спросила, почему свидетель производственного происшествия появился только через двое суток. Она провела тест, распечатала новую линию и долго сравнивала три листа.

— Почти исходный уровень, — сказала она. — На восьми тысячах справа разница осталась, но в пределах того, что будем наблюдать. Это не разрешение возвращаться к источнику.

— А если источник работает на обычной громкости? — спросил Лев.

Ольга повернулась к нему.

— Вы видели событие?

— Нет.

— Знаете его природу?

— Нет.

— Тогда слово «обычной» уберите. Нина, я оформляю рекомендацию отстранить тебя от акустических нагрузок на неделю.

— Мне нужно закончить инвентаризацию.

— Заканчивай бумаги.

— Одну ленту надо проверить.

Лев сжал ремень сумки. Ольга посмотрела сначала на него, потом на Нину.

— Вы уже договорились повторить.

Это не было вопросом.

— На сорок семь секунд, — сказала Нина. — Без наушников. На минимальном рабочем уровне. Лев будет рядом.

— Рядом с чем?

Нина впервые подумала, что могла бы сказать правду здесь, в комнате с розовой улиткой на плакате. Но правда потребовала бы показать ленту, аппарат, журнал и вовлечь Ольгу в нарушение приказа. Потребовала бы назвать Рудина. Она снова выбрала часть.

— С аппаратурой.

Ольга встала и забрала у неё аудиограмму прежде, чем Нина успела положить лист в сумку.

— Результат я отдам после недели без нагрузки.

— Это моя медицинская документация.

— Копию получишь в регистратуре. А этот лист оставляю как напоминание себе, что умные люди особенно изобретательно называют риск контролем.

Лев поднялся.

— Я остановлю, если будут симптомы.

— Вы не знаете симптомов.

— Теперь знаю про слух.

— Это цена, а не сигнал остановки.

У двери Нина обернулась. Ольга уже убрала лист в карту.

— Если мы узнаем, что произошло, я расскажу.

— Расскажешь до того, как мне придётся измерять последствия, — ответила Ольга. — Это разные сроки.

В студии Б они начали с протокола. Нина написала его от руки, потому что электронная запись автоматически стала бы доступна Рудину: два участника, сорок семь секунд, дверь не запирает, дистанция между ними не меньше двух метров, к людям в наблюдаемом пространстве не приближаться, при полной тишине немедленно отойти назад и дать условный знак. Последний пункт Лев перечитал дважды.

— Какой знак в полной тишине?

Нина положила на пульт карманный фонарь.

— Три вспышки. Увидел себя — светишь и отходишь к стене.

— А ты?

— Стою у аппарата.

— Если увидишь себя ты?

— Меня не могло быть на записи. Я тогда училась в школе.

— Подпись поставь всё равно.

Она подписала. Лев поставил фамилию ниже. В строке «разрешение руководителя» осталось пустое место.

Они проверили часы, закрыли наружную дверь лишь до щелчка и выставили уровень на пульте так низко, что вступление едва можно было различить. Нина перемотала ленту вручную к белой ракордной полосе. Лев стоял у дальней стены, засунув руки в карманы.

— Руки покажи.

— Нин, я не фокусник.

— Покажи.

Он поднял ладони.

Нина нажала кнопку.

Лента пошла. Первые секунды ничего не происходило: шорох, едва слышный щелчок склейки, лёгкое покачивание стрелок. Потом в студии за стеклом загорелись жёлтые лампы.

Нынешний серый поролон исчез под деревянными панелями. Микрофон сменился — вместо одинокой стойки возникли три, расставленные полукругом. На стульях лежали раскрытые футляры. За стеклом музыкант с контрабасом поправлял струну, женщина у рояля держала руки над клавишами, не касаясь их. Пьеса уже звучала, лёгкая и неровная,

будто причал действительно покачивался на речной воде.

Нина посмотрела на аппарат. Катушки вращались, хотя лампа питания погасла. Секундомер на столе показывал двенадцать.

Она подняла фонарь, но Лев не смотрел на неё.

Он смотрел в левый угол студии.

Там, возле кабельной корзины, сидел худой парень в слишком большом свитере. На коленях он держал бухту провода и старательно не зевал. Длинные волосы были собраны резинкой. На левой брови белел маленький шрам.

Нина перевела взгляд на Льва. Тот машинально коснулся своей брови.

Двадцать девять секунд.

Она трижды вспыхнула фонарём.

Лев увидел сигнал. Кивнул. Сделал шаг назад.

Парень в студии вдруг улыбнулся кому-то за пределами стекла и поднялся с бухтой. Из кармана свитера выпала отвёртка. Он нагнулся за ней.

Лев шагнул к стеклу.

Нина схватила его за рукав. Пальцы прошли сквозь ткань — или ей показалось, потому что сопротивления не возникло. В этом месте прошлого они не могли коснуться даже друг друга.

Она вспыхнула снова.

Лев прошептал что-то, чего музыка не позволила разобрать. За стеклом молодой Лев направился к двери студии,

прямо к тому месту, где стояла его нынешняя версия.

Сорок одна секунда.

Нынешний Лев не отступил. Он поднял ладонь, словно мог остановить парня жестом.

Между ними оставался метр.

Звук исчез.

Не стих — исчез целиком, вместе с пьесой, дыханием и внутренним шумом крови. Нина увидела, как Лев открыл рот. Жёлтый свет сжался вокруг него, будто пространство потеряло глубину. Стекло покрылось чёрными кругами, расходившимися не от удара, а от его силуэта.

Нина бросилась назад. До окончания оставалось шесть секунд.

Она считала по мигающим цифрам секундомера: сорок два, сорок три, сорок четыре.

Лев сделал ещё один шаг к себе.

Пол ушёл из-под ног.

Нина успела увидеть, как молодой парень поднял голову — не на них, а на погасшую лампу над дверью. Потом белая ракордная полоса рванулась между головками. Аппарат взвизгнул без звука. Изображение студии сложилось внутрь, как отражение в захлопнувшемся окне.

Удар пришёл раньше слуха.

Нина оказалась на коленях у стены. Лев лежал возле порога, прижимая обе ладони к ушам. Катушка продолжала вращаться, наматывая ленту на ось мимо приёмной бобины. Ни-

на вскочила, нажала стоп. Кнопка не сработала. Тогда она отвела прижимной ролик и поймала петлю двумя пальцами. Лента обожгла кожу и остановилась.

Вернулся низкий гул вентиляции. Потом треск лампы. Музыки не было.

— Лев.

Он смотрел на неё, не отвечая.

Нина опустилась рядом.

— Ты меня слышишь?

— Что?

Он произнёс слово слишком громко.

— Не вставай.

— Она позвонила мне в тот день.

— Кто?

— Мать. Я не взял трубку.

Нина увидела на полу возле старого пульта мобильный телефон. Не их — маленький, с выдвижной антенной, невозможный в нынешней комнате. Он мигнул зелёным и пропал вместе с последним жёлтым отблеском.

— Это было двадцать один год назад, — сказала она. — Ты подошёл к себе. Я запретила.

— Я вспомнил звонок.

— Ты ничего не мог изменить.

— Я знаю.

Но по его лицу было видно: в ту секунду он не знал. Правило, записанное на бумаге, уступило одному движению мо-

лодого человека к выпавшей отвёртке.

Нина щёлкнула пальцами сначала у левого уха Льва, потом у правого. Он не повернул головы.

— Что слышишь?

— Тебя. Как из коридора.

— Высокие?

— Никаких.

На секундомере застыло 00:00:44.

Песня длилась сорок семь секунд. Сеанс оборвался на три секунды раньше.

Нина посмотрела на протокол. Под их подписями, в пустой строке разрешения руководителя, проступала серая вмятина от ручки. Чернил не было, но бумага хранила нажим трёх слов:

«Десять секунд тишины».

Лев сел, держась за стену.

— Мы были там, — сказал он.

— Сиди.

— Я видел себя.

— Поэтому нас выбросило.

— Не сразу.

Нина посмотрела на секундомер, на вдавленные слова, на три ненаступившие секунды. Полной тишины прошло не больше четырёх. Значит, обрыв был не пределом, а аварией внутри правила. Или песня продолжалась там, где они уже не могли её слышать.

Она достала телефон.

— Кому звонишь?

— Ольге.

— Ты обещала рассказать после того, как поймём.

— Мы поняли достаточно.

— Нина.

— У тебя двустороннее выпадение. Возможно, больше.

Это уже не архивная тайна.

Он хотел возразить, но не услышал собственного голоса и замолчал.

Нина набрала номер. Пока шли гудки, она увидела под столом оборванный конец ленты. На магнитном слое появилась узкая белая полоса — след, которого не было до запуска.

Сорок четыре секунды доказали, что вчерашний коридор не был её галлюцинацией. Они же уничтожили последнюю возможность считать чудо личным и безопасным.

Ольга ответила.

Нина впервые назвала помещение точно:

— Студия Б. Нам нужна помощь.

Глава 3. Радиус записи

Ольга приехала через семнадцать минут с чёрным чемоданом, который обычно брала на выездные осмотры оркестрантов. За это время Нина успела посадить Льва на стул в аппаратной, убрать оборванную ленту с пола и дважды отказать от его предложения «просто подождать, пока отпустит». На третий раз он не услышал собственного предложения и замолчал.

Дверь в студию оставалась приоткрытой. За ней был обычный полутёмный коридор: зелёная полоса вдоль стены, тележка с пустыми коробками, пожарный щит. Нина смотрела туда чаще, чем на Льва. Ей казалось, что жёлтый свет прошлого мог задержаться за поворотом, если они недостаточно тщательно вернулись.

Ольга вошла без приветствия, поставила чемодан на пульт и увидела катушки.

— Аппарат обесточен?

— Теперь да.

— «Теперь» вычёркиваем. Что произошло?

— Сначала осмотри его.

— Я осматрю. А ты будешь отвечать одновременно.

Она усадила Льва лицом к свету и велела не смотреть на Нину. Из чемодана появились отоскоп, камертоны, маленький генератор с наушниками и блокнот. Ольга говорила ко-

роткими фразами, каждую подкрепляла жестом: поднять руку, если слышит; опустить, если звук исчез; не угадывать.

Лев угадывал. Нина видела это по тому, как он поднимал ладонь после взгляда на пальцы Ольги, а не после сигнала. На третьей попытке Ольга закрыла рот медицинской маской и встала у него за спиной.

— Не помогай мне делать вид, что с тобой всё лучше, — сказала она так громко, чтобы он разобрал. — Это не экзамен.

Лев опустил руку.

На низких частотах он реагировал уверенно. Середину слышал то слева, то справа. Высокие не слышал совсем. Камертон у кости за ухом возвращал звук, но ненадолго и разный с двух сторон. Ольга записывала результаты, не называя диагноза.

— Головокружение?

— Уже нет.

— Тошнота?

— Нет.

— Давление в ушах?

— Будто после самолёта.

— Боль?

Лев задумался.

— Не боль. Пустота.

Ольга посмотрела на Нину.

— У тебя было так же?

— Справа. Высокие. Вернулось примерно за двое суток.

— После чего?

Нина положила на пульт секундомер. На экране оставались сорок четыре секунды.

— После первой записи.

— Что значит «после записи»?

— Не после прослушивания. Во время.

Ольга сняла перчатки. Она не торопила, но её молчание не оставляло места для очередной производственной версии. Нина достала из шкафа катушку отца, не вскрывая сейф-пакет, затем положила рядом коробку «Весеннего причала» и протокол с продавленными словами.

— Когда на этом аппарате проигрывается оригинальная лента, студия становится такой, какой была во время записи, — сказала она. — Не декорацией. Мы оказываемся внутри того времени, но нас там не видят и не слышат. Я была здесь двадцать лет назад. Лев — двадцать один год назад. Каждый раз это длилось, пока звучала песня.

Ольга перевела взгляд на стекло. В нём отражались трое нынешних людей и белая лента перевязочного пластыря на её чемодане.

— Вы что-нибудь принимали?

— Нет.

— Утечка газа, растворители, продукты горения?

— Датчик ничего не показывал. Лев видел другое событие. Мы оба вернулись с одинаковым типом выпадения.

— Не одинаковым. У тебя одностороннее, у него двустороннее.

— Потому что он подошёл к себе.

Лев поднял голову. Последние слова он разобрал.

— Не просто подошёл, — сказал он громко. — Я оказался напротив двери, куда шёл тот парень. То есть я.

Ольга придвинула стул ближе.

— Рассказывай с момента нажатия кнопки. Не объясняй. Только что видел, слышал и делал.

Лев начал торопливо, перескакивая через секунды. Ольга останавливала его всякий раз, когда «увидел» превращалось в «понял», а «стало тихо» — в «нас наказало». Нина отвечала отдельно. Когда их версии расходились, Ольга ставила вертикальную черту в блокноте.

Они разошлись в цвете свитера молодого Льва: Нина запомнила серый, нынешний Лев — синий. В остальном совпало слишком многое. Три стойки. Контрабас. Женщина у рояля. Выпавшая отвёртка. Погасшая лампа. Телефон с выдвижной антенной. Чёрные круги на стекле. Сорок четыре секунды на таймере.

— Телефон существовал? — спросила Ольга.

— У меня был такой, — сказал Лев. — Мать звонила после репетиции. Я не ответил.

— Ты вспомнил звонок до того, как увидел телефон, или после?

Он потёр бровь.

— До. Когда увидел себя. Телефон появился потом. Возле пульта.

— В прошлой студии он был возле пульта?

— Нет. Он лежал у меня в кармане.

Ольга провела под строкой две черты.

— Значит, пока не считаем телефон наблюдаемым предметом. Он мог быть образом памяти после удара, а мог относиться к явлению. Для правила данных нет.

Нина ожидала отказа верить. Вместо него Ольга разделила чистый лист на три столбца и надписала: «Наблюдали», «Вывод», «Не знаем».

— Ты веришь? — спросил Лев.

— Я верю аудиометрии. Остальное проверяю так, чтобы вы не полезли туда в третий раз ради красивой формулировки.

Она написала в первом столбце два времени: 4:20 и 0:47. Рядом Нина добавила: первый сеанс завершился на последней ноте, второй — на отметке 0:44 после возникновения тишины.

— В первый раз полная тишина была сколько? — спросила Ольга.

— Не знаю. Я увидела отца, пошла к нему, звук исчез. Потом вернулась сюда.

— Секундомер?

— Не ставила.

— На листе что появилось?

Нина достала сложенную страницу журнала. Чернила её почерка по-прежнему сообщали время запуска. Ниже стояло предупреждение, которого она не писала: «Не подходи к себе. Десять секунд тишины».

Ольга положила рядом сегодняшний протокол. На нём те же три слова были только вдавлены в бумагу.

— Почему в одном случае чернила, в другом нажим?

— Не знаем, — сказала Нина.

— Хорошо. Первое правильное правило за вечер.

Лев усмехнулся, но, не услышав смешка, сразу стал серьёзным.

Они восстановили первую поездку Нины по шагам. В момент запуска она стояла у аппарата. Отец находился за стеклом и затем вышел в коридор. Когда Нина последовала за ним, прошлое сохранялось не только в студии. Она видела старую краску стен, табличку редакции и человека с красной папкой до лестничной площадки. На половине пролёта изображение начинало темнеть, а речь отца становилась глухой.

— Расстояние? — спросила Ольга.

Нина взяла рулетку из ящика Льва. От головок аппарата до двери было восемь метров. До лестничной площадки — ещё двенадцать. Они прошли маршрут, не включая свет в студии. На семнадцатом метре Нина остановилась.

— Здесь я ещё различала слова.

На двадцать первом коснулась перил.

— Здесь уже только видела их спины. Всё вокруг было как

через закопчённое стекло.

— А дальше?

— Не пошла. Отец остановился, и я приблизилась к нему.

Лев стоял у двери аппаратной, чтобы не пропустить разговор. Ольга записала расстояния и вернулась к плану здания, висевшему под стеклом возле пожарного щита.

— Записывающий микрофон был где?

Нина отметила студию Б. Затем вспомнила, что финальный эфир шёл с дополнительного микрофона в коридоре: отец разговаривал с гостем на ходу, пока режиссёр держал канал открытым. Архивная карточка перечисляла оба тракта.

— А «Весенний причал»?

— Только микрофоны в студии, — сказал Лев.

— Вы выходили в коридор?

— Нет. Но дверь прошлого была закрыта. Нынешняя — открыта.

Ольга нарисовала два круга, один меньше другого.

— Не радиус от аппарата, — сказала Нина. — Радиус записи.

Фраза легла на лист и сразу упорядочила то, что до этого казалось прихотью комнаты. Прошрое существовало не там, куда мог дойти человек, а там, откуда звук когда-то попал на магнитный слой. Студия, коридорный микрофон, часть лестницы. За границей не было стены — лишь постепенная потеря слышимости, а затем изображения.

— Пока рабочая гипотеза, — сказала Ольга. — Не правильно.

— Но хорошее название, — отозвался Лев.

Ольга подняла лист так, чтобы он увидел слово, и крупно дописала: «НЕ ПРОВЕРЯТЬ ЗАПУСКОМ».

Следующим стал вопрос о прикосновениях. Нина пыталась удержать отца и прошла пальцами сквозь рукав. Сегодня она схватила Льва и не почувствовала ткани. При этом после возвращения упала на пол и обожгла пальцы уже настоящей лентой.

— Вы друг для друга там тоже неосязаемы, — сказала Ольга.

— Возможно, только во время глухой зоны, — возразила Нина. — До неё мы не касались.

— Тогда пишем уже: воздействие на людей и предметы прошлого не наблюдалось. В глухой зоне контакт между посетителями отсутствовал. Всё остальное — неизвестно.

— Я стоял у стены, — сказал Лев. — До того как пошёл к себе. Не опирался. Просто решил, что опирался. Спинай не чувствовал ничего.

— Ты уверен?

— Теперь — нет.

Нина вспомнила пол под ногами в первом сеансе. Она ходила, но не ощущала ни упругости линолеума, ни ступеней. Тело принимало форму движения, потому что взгляд видел поверхность. Когда прошлое сложилось, настоящий пол

встретил её коленями.

Ольга внесла это в третий столбец.

— Вы могли перемещаться, но не доказали физического контакта даже с полом. Значит, слово «оказались» тоже осторожнее. Вы наблюдали из точки, которая двигалась вместе с вами.

— Очень утешает, — сказал Лев.

— Я не утешаю. Я убираю у вас ложную уверенность. Она уже стоила тебе слуха.

Он отвернулся. В стекле его лицо оказалось поверх пустой студии, и Нина впервые увидела не нарушителя протокола, а человека, которого на сорок первой секунде снова сделали девятнадцатилетним. Он шагнул не к прошлому телу. Он шагнул к звонку, на который не ответил двадцать один год назад.

— Почему именно десять секунд? — спросила Нина.

Ольга закрыла блокнот.

— Этого мы сегодня не узнаем.

— На двух листах одна фраза.

— Фраза утверждает длительность. Ваш таймер подтверждает только, что полная тишина началась примерно на сорок первой секунде, а вернулись вы на сорок четвёртой. Три секунды, не десять.

— Потому что Лев ещё и пересёк траекторию себя прошлого. Может быть, это аварийный обрыв внутри отсчёта.

— Может быть. А может быть, ты неверно заметила нача-

ло. А может быть, запись продолжалась для вас после того, как вы перестали её слышать. Десять секунд пока предупреждение, а не измерение.

Нина хотела спорить, но увидела, что именно так сама разговаривала с реставраторами, которые слышали в шуме нужную им реплику. Сначала носитель. Потом тракт. Потом независимое подтверждение. Желание услышать не считалось методом.

Она перечеркнула слово «правила» в заголовке и написала «границы».

Лев заметил движение ручки.

— Всё равно получается четыре вещи, — сказал он. — Песня задаёт время. Запись задаёт место. Мы там призраки. К себе подходить нельзя.

— И пятая, — сказала Ольга. — После возвращения вы теряете слух. Не приложение мелким шрифтом, а главное условие.

Она велела Льву позвонить брату и ехать в стационар на обследование. Лев отказался от скорой, пока Ольга не написала на листе: «Возможна стойкая потеря». Тогда он достал телефон и, глядя на губы Нины, попросил её повторять ответы брата.

Пока они ждали, Нина сфотографировала оба предупреждения, повреждённый участок ленты и положение катушек. Ольга заставила добавить линейку к белой полосе и снять номер сейф-пакета. Потом упаковала «Весенний причал» в

чистый пакет, подписала время и поставила поперёк клапана свою фамилию.

— Это медицинская улика? — спросила Нина.

— Это вещь, которую вы больше не включите, пока не поймёте, кто имеет право решать.

— Рудин уничтожит аппарат.

— Возможно.

— И мы ничего не узнаем.

— Зато Лев, возможно, будет слышать голос брата без субтитров.

Из коридора донёсся скрежет ключа. Нина узнала связку раньше, чем открылась наружная дверь: Рудин носил на ней тяжёлый латунный жетон от старой аппаратной, хотя замок сменили десять лет назад.

Директор вошёл в пальто, не сняв перчаток. За ним маячил охранник Семён с журналом обхода.

— Почему студия открыта после двадцати одного часа?

Он увидел Ольгу, чемодан и Льва. Его взгляд скользнул к катушкам. Не задержался ни на белой полосе, ни на сорванной приёмной бобине. Сразу остановился на лице Льва.

— Какой диапазон?

В комнате стало так тихо, что Нина услышала неисправную лампу в коридоре.

Ольга первой повернулась к нему.

— Почему вы решили, что выпал диапазон?

Рудин снял перчатки палец за пальцем.

— Потому что вы сурдолог и находитесь ночью в студии после несанкционированного запуска.

— После шума вы спросили бы о боли или травме. После удара — о сознании. Вы спросили о диапазоне.

— Я видел заключение Нины.

— Моё заключение вы не видели, — сказала Ольга. — Вы звонили в регистратуру до её осмотра.

Рудин перевёл взгляд на Нину. Она не отвела глаз.

— Семён, закройте коридор и никого не пускайте.

Охранник помедлил.

— А в журнал что?

— Проверка электропроводки. Я подпишу.

Когда дверь закрылась, Рудин подошёл к аппарату и коснулся счётчика расхода. Нина успела переписать показания, но не вернуть механизм назад. Три метра семьдесят сантиметров новой протяжки светились в окошке красными цифрами.

— Вчера было на двадцать шесть меньше, — сказал он.

— Двадцать шесть — отцовская катушка. Сегодня ещё четыре метра.

Рудин посмотрел на «Весенний причал» в пакете Ольги.

— Сорок семь секунд на девятнадцатой скорости. Четыре с половиной метра с ракордом.

Лев не слышал сказанного, но увидел, как Нина застыла.

— Вы помните метраж каждой пробы? — спросила она.

— Я утверждал ведомость.

— Двадцать один год назад?

Рудин наклонился к ленте. Белую полосу он не потрогал.

— Это не износ. Так бывает после обрыва.

— Какого обрыва?

— Ленты.

— Она не рвалась физически. Магнитный слой побелел в момент возвращения.

Слово повисло между ними. Рудин медленно выпрямился.

— В момент чего?

Нина показала ему лист с тремя столбцами.

— Мы были на записи этой пьесы. Лев увидел себя. Подошёл слишком близко. Пропал звук, сеанс оборвался, он потерял высокие частоты на обоих ушах. Точно так же, как я потеряла их справа после катушки отца. Точно так же, как у вас записано в акте: левое ухо, семь суток.

Рудин не посмотрел на акт — его здесь не было. Он посмотрел на стену слева от двери, на высоте человеческого плеча.

— Вы дошли до глухой зоны?

Ольга шагнула к нему.

— Вот теперь объясните формулировку.

Рудин словно только сейчас понял, что произнёс. Лицо у него не изменилось, но правая рука сжала снятые перчатки.

Нина подошла к той стене. На сером поролоне ничего не было, кроме вмятины от старого крепления.

— Здесь стояли вы? — спросила она.

— Вы оба отстранены от работ в студии Б.

— Кого вы увидели?

— Аппарат будет отключён и опечатан сегодня.

— Семь суток, левое ухо. Вы подошли к себе или только увидели?

Рудин вынул телефон.

— Я вызываю дежурного электрика.

Нина накрыла ладонью рубильник. Не для того, чтобы помешать отключению: после двух сеансов она сама боялась зелёного огонька. Ей нужно было, чтобы директор хотя бы раз назвал страх своим именем.

— Если вы знали, почему оставили аппарат в студии?

— Потому что выносить его опаснее.

Ответ вырвался раньше запрета. Рудин закрыл глаза на одно короткое мгновение.

— Для кого? — спросила Ольга.

— Для фонда. Аппарат числится частью комплекса.

— Нет, — сказала Нина. — Комплекс списан. Вы лично сняли этот аппарат с ведомости демонтажа и вписали «до окончания сверки носителей». Поэтому он остался.

Лев подошёл ближе, разбирая разговор по лицам.

— Спросите его, — произнёс он, — почему предупреждение знает про десять секунд.

Нина повторила громче.

Рудин впервые посмотрел на продавленные слова. Потом

— на Льва, который держался прямо лишь из упрямства.
— Десять секунд — не запас времени, — сказал директор.
— Это время, после которого вы можете не вернуться туда, откуда начали.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я прочитал то же, что и вы.

— Когда?

Он не ответил.

Ольга забрала лист у Нины и положила перед ним медицинскую карточку выезда.

— У Льва двустороннее выпадение. Ему нужен стационар и наблюдение. У Нины недавно было одностороннее. Если вы располагаете сведениями о похожем случае, скрывать их сейчас — значит мешать оценке риска.

— Я не врач.

— Поэтому я спрашиваю не ваш диагноз. Сколько длилось? Что вы слышали после? Восстановилось ли полностью?

Рудин провёл пальцем по краю пульта. Палец остановился у царапины, которую Нина прежде считала следом от стойки. Это была короткая дуга, как от ногтя человека, пытавшегося удержаться за неосязаемую поверхность.

— Студия закрыта, — сказал он. — Всё остальное завтра.

— Лев едет сейчас, — ответила Ольга. — И в истории болезни будет указано место происшествия. Завтра уже началось.

В коридоре хлопнула дверь. Брат Льва пришёл быстрее обещанного и теперь спорил с Семёном. Лев увидел знакомую куртку за стеклом, поднял руку и вдруг улыбнулся — растерянно, почти виновато. Его брат что-то сказал. Лев не разобрал, но на этот раз не сделал вид, что услышал.

— Повтори, пожалуйста, — попросил он.

Ольга взяла чемодан.

— Я поеду с ними. Нина, никакой акустической нагрузки. И не оставайся здесь одна.

— Не останусь.

— Это ответ или обещание?

Нина посмотрела на Рудина.

— Обещание.

Когда Лев уходил, он задержался у порога и показал на лист с границами.

— Не отдавай ему.

— Копия есть.

— Я не про лист.

Нина поняла: он говорил о праве назвать пережитое своим, прежде чем директор превратит его в нарушение инструкции. Она сложила протокол и вложила в прозрачную папку вместе с фотографиями.

Рудин дождался, пока шаги стихнут. Потом вызвал электрика и распорядился снять приводной ремень, отсоединить силовую кабель внутри корпуса и поставить две номерные пломбы: на крышку аппарата и на дверь студии. Нина запи-

сала номера. Он не мешал.

— Катушки в металлический шкаф, — сказал он. — Ключ мне.

— Носители под моей материальной ответственностью.

— С этой минуты — под моей.

— Оформите акт передачи.

Он мог приказать. Вместо этого сел за стол и написал акт от руки в двух экземплярах. Перечислил обе катушки, повреждение «Весеннего причала», сейф-пакеты и пломбы. В графе причины долго держал ручку, потом написал: «До выяснения обстоятельств воздействия оборудования на здоровье сотрудников».

Нина подписала только после того, как он добавил запрет на уничтожение и перемещение носителей без комиссии.

Электрик вынес ремень в прозрачном пакете. Кабель оставил внутри корпуса, отрезав вилку. Рудин проверил каждую пломбу и передал Нине второй экземпляр акта.

— Завтра в девять у меня, — сказал он.

— С Ольгой.

— Это служебное расследование.

— Тогда тем более с врачом.

Рудин надел перчатки.

— Вы думаете, что нашли дверь. На самом деле вы нашли запись пожара и решили погреться возле неё.

— Вы тоже решили.

Он открыл наружную дверь.

— Один раз.

Нина не успела спросить, к кому он возвращался. Рудин вышел и сам защёлкнул пломбу на косяке. Через стеклянное окошко она видела, как он проверяет номер, хотя записал его минуту назад.

В студии погасили свет. Аппарат стоял под белой полосой пломбы, без ремня и вилки, но Нине всё ещё мерещилось медленное вращение катушки. Она вышла в коридор и закрыла дверь.

На лестнице Рудин ждал у семнадцатого метра от записывающей головки — там, где во время первого возвращения голос отца ещё был различим.

— Завтра вы расскажете всё, — сказала Нина.

— Завтра я решу, как уничтожить привод, не запустив его случайно.

— Вы оставляли его десять лет. Почему именно сейчас?

Рудин посмотрел вниз, на площадку, где прошлое для Нины начинало темнеть.

— Потому что раньше только один человек в этом здании знал, что теряет слух не от возраста.

Он пошёл к выходу. Левый край его пальто задел перила, и Рудин не заметил тихого шороха ткани.

Нина осталась на лестнице с актом в руках. В таблице Ольги было четыре осторожных вывода и девять честных неизвестных. Теперь добавился пятый факт, не требовавший нового запуска: Аркадий Рудин однажды уже стоял внутри чу-

жой песни и вернулся оттуда без части звука.

Глава 4. Цена повтора

В девять без пяти на двери кабинета Рудина ещё не было таблички о совещании. Была только новая царапина возле замка и лист, приклеенный прозрачной лентой: «Приём сотрудников с 12:00». Нина прочитала его дважды, хотя слова не менялись. Правое ухо после вчерашней нагрузки слышало коридор как через тонкую ткань: шаги оставались шагами, но у связки ключей пропал верхний металлический блеск.

Ольга пришла с двумя папками и больничным пакетом, в котором лежали результаты Льва. Пальто она не сняла.

— Его оставили до вечера, — сказала она вместо приветствия. — Речь различает. Высокие частоты с обеих сторон просели сильнее, чем у тебя после первого раза. Прогноз осторожный.

— Он знает?

— Он знает ровно то, что можно сказать после одного обследования. В отличие от некоторых учреждений, больница не выдаёт надежду под подпись директора.

Из-за двери донёсся голос Рудина. Он говорил по телефону, медленно и необычно громко: просил перенести осмотр перекрытий со среды на пятницу. Когда произнёс «студия Б», Ольга посмотрела на Нину. Та покачала головой: про три сеанса ещё никто не договаривался, и даже один казался сейчас невозможным.

Рудин впустил их ровно в девять. На столе лежали акт ночного опечатывания, журнал расхода, два конверта с пломбировочной лентой и приводной ремень в прозрачном пакете. Рядом стоял серый металлический ящик с отрезанной вилкой. Кабель свернули так аккуратно, будто собирались предъявить суду тело преступления.

— Телефоны сюда, — сказал Рудин и подвинул пустой лоток для бумаг.

— Мой останется у меня, — ответила Ольга. — У меня пациент в стационаре.

— Запись разговора запрещена.

— Я и не записываю. Но если он позвонит, отвечу.

Рудин хотел возразить, однако только положил собственный телефон экраном вниз. Нина выключила свой и оставила в кармане. После ночного акта ей больше не хотелось соглашаться с приказом только потому, что он произнесён ровным голосом.

— Сначала состояние сотрудников, — сказала Ольга.

— Сначала я должен понять масштаб нарушения.

— Масштаб уже лежит в стационаре. У Льва Грачёва двустороннее сенсоневральное снижение слуха после воздействия в вашем помещении. У Нины Ланской — повторные субъективные жалобы на правое ухо, которые она сегодня скрывать не будет.

Нина не успела подготовиться к последней фразе.

— Я не скрываю.

— Тогда после разговора едешь на обследование.

Рудин посмотрел на неё так, словно предательство совершила не Ольга, а её собственное ухо.

— Повторные?

— После вчерашнего она не проходила аудиометрию, — уточнила Ольга. — Поэтому я не называю это ухудшением. Пока.

Он встал, подошёл к окну и прикрыл верхнюю фрамугу. С улицы исчезло шипение мокрых шин. Низкий гул автобуса остался. Рудин вернулся к столу и сел не в директорское кресло, а на боковой стул напротив них.

— Десять лет назад, — произнёс он, — студию готовили к переоборудованию. Не к нынешнему закрытию. Тогда хотели сделать учебную площадку для колледжа. Мы разбирали дальний шкаф и нашли коробку, которой не было в описи.

Он достал из нижнего ящика тонкую синюю папку. На обложке стояло: «Списание. 2009–2017». Между актами был вложен пожелтевший ярлык от катушки. Имя исполнителя зачеркнули, но в строке передачи читалось: «Вечерний берег». Ниже — «Проба перед эфиром, 02:14».

— Чей голос? — спросила Нина.

Рудин провёл большим пальцем по краю ярлыка.

— Моего брата.

Ольга не записала. Она ждала.

— Илья вёл эту передачу по четвергам. Не был знаменит, если вы об этом. Обычный редактор с хорошим голосом и

привычкой заканчивать работу позже всех. В ту ночь он записал подводку, поспорил со мной по телефону, а утром не пришёл домой.

Нина вспомнила дугообразную царапину на пульте. Вчера она вообразила пальцы, цепляющиеся за неосязаемую поверхность. Теперь царапина получила имя, и от этого стала хуже.

— Он погиб? — спросила она.

— Через два дня его нашли в гараже. Врач написал отравление выхлопными газами. Следовательно — самоубийство. Мать написала мне письмо, хотя жила в соседней комнате. «Ты должен был услышать».

За окном кто-то разгружал пустые пластиковые ящики. Они ударялись друг о друга с глухим деревянным звуком. Нина видела движение, но не слышала тонкого дребезга, который должен был сопровождать пластмассу.

— Вы включили запись, чтобы понять причину, — сказала она.

— Я включил её для описи. Так я объяснил себе потом. Аппарат был тот же. Ремень уже тогда проскальзывал, поэтому я стоял рядом. Свет погас не сразу — сначала перестала отражаться лампа в стекле. Потом я оказался здесь, в коридоре, только стены были ещё зелёные.

Рудин говорил, не глядя ни на одну из них. Его ладонь лежала на колене, пальцы отбивали короткую последовательность: два удара, пауза, один. Возможно, так мигала лампа у

студии в тот вечер.

— Я услышал голос Ильи из аппаратной. Он репетировал подводку, сбился на слове «пристань» и засмеялся. Я пошёл к нему. Дверь была открыта. Внутри стоял я сам, моложе на десять лет, с телефонной трубкой в руке.

— Вы подошли к себе? — спросила Ольга.

— Не видел сначала. Услышал собственный голос. Мы ругались из-за матери. Илья обещал приехать к ней, потом снова отменил. Я сказал, что его обещания ничего не стоят. Он ответил, что я превращаю помощь в повод командовать. Обычный семейный разговор, в котором оба стараются ударить туда, где уже болит.

Рудин сжал губы и на мгновение стал похож не на человека, скрывавшего аварию, а на человека, всё ещё редактировавшего последнюю ссору: здесь убрать резкость, там вернуть нужную фразу, сделать монтаж, которого жизнь не позволила.

— Когда молодой я вошёл в аппаратную, звук исчез. Сначала голос брата, потом шум ленты, потом собственное дыхание. Я решил, что если дойду до него, то хотя бы увижу лицо. Сделал ещё несколько шагов. На стене проступили слова про десять секунд. Я считал. На восьми изображение начало темнеть. На девяти вернулся сюда.

Ольга наконец открыла папку.

— Что произошло со слухом?

— Левое ухо. Сначала будто заложило. Через час пере-

стал различать высокие голоса по телефону. Я обратился в ведомственную поликлинику на следующий день и сказал, что был рядом с акустическим ударом. Через неделю часть диапазона вернулась. Остальное — нет.

— Заключение сохранилось?

Рудин вынул сложенный лист. Бумага истончилась на сгибах. Ольга развернула её, не касаясь полей, прочла значения и положила перед собой.

— Это не «часть», Аркадий Сергеевич. Здесь стойкое высокочастотное снижение слева, подтверждённое повторным обследованием через три месяца.

— Я научился с ним работать.

— Компенсировать — не значит восстановиться. Почему вы не сообщили о связи со студией?

— Кому? Главному инженеру, который подписал бы акт о неисправности? Полиции, которая спросила бы, каким способом магнитофон переместил меня на десять лет назад? Или матери, чтобы она узнала: последним открытием о сыне стала его неудачная репетиция?

— Мне, например, вчера ночью, до второго пострадавшего.

— Вчера ночью второй уже пострадал.

— Тогда Нине после первого случая.

Рудин повернулся к Нине.

— После первого случая Нина солгала, что ничего не произошло.

— А вы помогли ей солгать, — сказала Ольга. — Позволили в регистратуру, выяснили моё расписание, но не назвали риск. Каждый из вас проверял, знает ли другой, вместо того чтобы остановить воздействие.

Нина почувствовала знакомое желание разделить вину так, чтобы её собственная часть стала тоньше. Рудин знал. Рудин скрывал. Рудин оставил аппарат. Всё это было правдой, но рядом лежал журнал с её рукой и словом «холостой».

— Я внесла ложную запись, — сказала она. — И согласилась на второй запуск.

Ольга кивнула один раз, без благодарности за честность.

— Поэтому ты не можешь единолично решать, будет ли третий.

— Третьего не будет, — сказал Рудин. — Сегодня привод разрежут в мастерской. Катушки останутся в фонде, аппарат — в музейном списке как некомплектный. В акте укажем разрушение изоляции.

Нина посмотрела на прозрачный пакет с ремнём.

— То есть снова ложная причина.

— Причина, которую можно провести через бухгалтерию.

— И которая оставит всем после нас уверенность, что опасен старый кабель. Кто-нибудь поставит новый.

— Без привода аппарат не запустится.

— Привод можно изготовить. Лев собрал бы его за день.

— Лев больше не войдёт в мастерскую.

— Лев — не единственный техник в городе.

Рудин взял пакет и положил его в ящик.

— Вы предлагаете написать в муниципальном акте, что оборудование открывает прошлое?

— Я предлагаю не подменять неизвестное удобной неистинностью. Оформить ограничение по факту вреда здоровью, сохранить детали отдельно, описать условия запуска и уничтожить привод только после того, как мы проверим, что именно уничтожаем.

— Проверим как? Ещё одним ухом?

Слова прозвучали тише, чем всё предыдущее. Нина поняла, что Рудин не защищает тайну ради должности. Он смотрит на пакет так, как десять лет смотрел на собственный поступок: если разобрать вещь, можно будет считать решение окончательным.

— Вы не уничтожили его тогда, — сказала она. — Почему?

Он поднял голову.

— Потому что не смог.

— Физически?

— Я снял ремень и отнёс его домой. Через месяц вернул. Каждый день говорил себе, что должен уничтожить. Потом мать заболела и стала путать сыновей. Она спрашивала, почему Илья не звонит. Я знал, что в шкафу лежит ещё одна его запись — длиннее, с ночного эфира. Думал, когда-нибудь вернусь и услышу, что было после нашего разговора.

— Но не вернулся.

— Нет.

— Почему?

Рудин коснулся левого уха, словно только сейчас заметил этот жест.

— На девятой секунде я увидел молодого себя в дверях. Он смотрел туда же, куда я. Не на Илью. На отражение в стекле. На меня. Я знаю, что он не мог меня видеть. Но десять лет мне снится, что мог. Если бы вернулся, пошёл бы проверять именно это. Не брата.

В кабинете зашумела батарея. Ольга закрыла старое заключение листом чистой бумаги.

— Значит, аппарат сохранило не исследование, а отложенное желание повторить, — сказала она.

— Возможно.

— А теперь вы хотите уничтожить его не после исследования, а после того, как повторили ваш сценарий двое других.

— Я хочу остановить травмы.

— Тогда начните с точного названия травм и условий, при которых они возникли.

Рудин встал и вернулся за стол. Директорское кресло коротко скрипнуло под ним. Это движение обозначило окончание признания яснее любой фразы.

— Допустим, — сказал он. — Что именно вы предлагаете?

Нина открыла свою папку. Ночью она составила три страницы, но теперь первая показалась ей написанной человеком, который верил, что аккуратная таблица делает

риск приемлемым. Вверху стояло: «Программа наблюдений». Она зачеркнула «программа» и написала «временный протокол ограничения доступа».

— До демонтажа здания пять недель, — начала она. — Студию не распечатывают без троих. Один ключ у вас, второй у меня, пломбы проверяет Ольга.

— У врача не должно быть ключа от муниципального фонда, — сказал Рудин.

— Мне не нужен ключ, — ответила Ольга. — Мне нужно право запретить запуск, если слух участника не восстановился или обследование не проведено.

— Право врача я оспаривать не собираюсь.

— Вчера собирались, когда объявили служебное расследование важнее состояния Льва.

Рудин провёл ладонью по столу, стирая невидимую пыль.

— Хорошо. Медицинское вето без объяснения диагноза комиссии. Что ещё?

Нина продолжила:

— Только оригинальные ленты с установленным происхождением. Никаких ночных проверок, одиночных входов и людей, которые присутствовали при исходной записи.

— Последнее исключит меня и Льва, но не тебя, — заметил Рудин.

— Меня исключит отдельный пункт: участник не должен иметь свою прошлую версию в предполагаемом радиусе записи.

Она произнесла это и поняла, что катушка отца может не пройти её собственное правило. Десятилетняя Нина была за дверью, возможно, в пределах того самого радиуса. Пока это оставалось догадкой. Но протокол уже начал сопротивляться ей, и от этого впервые показался настоящим.

— Предполагаемом, — повторил Рудин. — А как вы установите радиус без запуска?

— По монтажным листам, плану помещений, журналу микрофонов и показаниям живых участников. Если остаётся сомнение — отказ.

— Слишком легко написать «сомнений нет».

— Тогда решение единогласное, — сказала Ольга. — Любой из нас может остановить процедуру без обязанности убедить остальных.

Нина посмотрела на неё.

— Если любой может запретить всё, мы ничего не узнаем.

— Это и есть допустимый результат.

— Тогда зачем вообще протокол?

— Чтобы твоя любознательность перестала считаться достаточным основанием. И его страх тоже.

Ольга кивнула на Рудина. Тот неожиданно улыбнулся — одним углом рта, без веселья.

— Врач предлагает распределить недоверие поровну.

— Именно.

Нина перелистнула страницу. В её ночном варианте было восемь сеансов: по одному для проверки длительности,

радиуса, копии, повторного воздействия и ещё четыре строки, написанные сухими словами. Теперь восемь выглядели не планом, а очередью людей к чужой утрате.

— Сколько запусков? — спросил Рудин.

— Чтобы различить устойчивые условия, нужно хотя бы пять.

— Ноль.

— Тогда мы оставляем механизм без описания. После демонтажа кто-то найдёт другой аппарат или другую студию и начнёт сначала.

— Это предположение.

— Как и уверенность, что чудо связано только с этим при-
водом.

— Три, — сказала Ольга.

Они оба повернулись к ней.

— Не больше трёх санкционированных сеансов до физического демонтажа. Не «минимум три», не «три с возможностью продления». Каждый участник проходит аудиометрию до, сразу после и в сроки наблюдения. Следующий сеанс не проводится, пока предыдущий участник не восстановился до исходных значений или пока не станет ясно, что не восстановится. Повторное участие одного человека запрещено.

— Три человека получают травму, чтобы мы подтвердили, что люди получают травму, — сказал Рудин.

— Нет. Три — предельное число, а не обязательство его исчерпать. Первый неблагоприятный результат, который вы-

ходит за ожидаемое временное выпадение, закрывает программу. Любой новый эффект закрывает программу. Любое нарушение согласия закрывает программу.

— Как вы объясните участнику ожидаемое выпадение, если не можете объяснить механизм?

— Именно так: после двух наблюдений возникло снижение слуха; у одного человека оно было двусторонним, исход пока неизвестен; у третьего известного человека дефект сохранился десять лет. Без слов «безопасно», «временно» и «обычно».

Рудин постучал ручкой по акту.

— После такой формулировки согласится только тот, кому отчаянно нужно в прошлое.

— Другие сюда и не придут, — сказала Нина.

Ольга повернулась к ней.

— Отчаяние ухудшает способность оценивать риск. Поэтому одного согласия мало. Должна быть понятная цель, которую нельзя принять за лечение, спасение, доказательство в суде или способ изменить событие. И никакого обещания результата.

— Вы хотите решать, достойна ли чужая причина?

— Нет. Я хочу решать, способен ли человек услышать отказ. Если не способен, в студию он не войдёт.

Нина вспомнила Льва у старого телефонного звонка. Он подписал протокол, повторил правила и нарушил их в первую же секунду, когда прошлое перестало быть задачей.

Бумага не удержала его. Не удержала бы и её рядом с отцом.
— Наблюдатель должен быть один, — сказала она. — Второй человек не помогает. Мы с Львом потеряли друг друга в глухой зоне.

— Нет, — возразила Ольга. — Один участник и один сопровождающий, который не имеет личной связи с записью. Они держатся вместе на фиксированном расстоянии от точки старта. Если контакт пропадает, сопровождающий нажимает аварийный останов.

— В прошлый раз кнопка могла не существовать для нас.

— Тогда механический таймер снаружи, — сказал Рудин.

— Питание размыкается по заданной длительности независимо от аппаратной.

Нина посмотрела на него. Это было первое предложение, направленное не на уничтожение.

— Обрыв питания может повредить ленту.

— Значит, таймер останавливает приёмную бобину и уводит головку. Сделаем без вмешательства в привод. Но испытывать будем на пустом тракте, без оригинала.

— Кто сделает?

— Не Лев. Мастерская городского театра. Им скажем, что это защита редкого носителя.

— Ещё одна неполная причина, — заметила Ольга.

— Полная им не нужна, чтобы собрать реле.

Они замолчали. За дверью секретарь дважды подняла трубку и дважды сказала, что директор занят до полудня.

Обычный рабочий день теснился вокруг кабинета, не замечая, что трое людей делят право на невозможное.

Нина достала ночной список и зачеркнула пять строк. Осталось три пустых номера. Первый уже просился принять имя, но она оставила графы пустыми.

— Ленты живых людей — только с их прямым письменным согласием, — сказала она. — Для умерших недостаточно архивного договора на хранение. Нужен правообладатель и отдельное решение комиссии.

— Кто будет искать людей? — спросил Рудин.

— Я проверю фонд и происхождение. Вы — юридические основания. Ольга — медицинские условия.

— А кто отвечает, если человек после сеанса перестанет слышать?

— Учреждение не может снять с себя ответственность распиской, — сказала Ольга. — И участник не может подарить вам право причинить вред. Если вы хотите бумагу «претензий не имею», меня в комиссии не будет.

— Я хочу понимать, что подпишу.

— Подпишите признание известного риска и обязанности прекратить процедуру. А ещё сообщение о производственном инциденте по Льву. Сегодня.

Рудин отложил ручку.

— Это приведёт инспекцию.

— Возможно.

— Инспекция опечатает весь фонд. Оцифровка встанет,

люди лишатся доплат, передачу здания сорвут. Инвестор выставит неустойку городу.

— Если вы скроете госпитализацию, последствия станут меньше?

— Я не сказал «скрою». Я сказал, что цена будет не только моя.

Нина увидела перед собой две версии директора, и обе были правдивыми. Один десять лет хранил аппарат ради неслучившегося второго разговора. Другой каждый месяц подписывал зарплаты, ремонтировал протекающую крышу и знал, сколько дней задержки выдержит учреждение. Его разумная осторожность и его трусость жили в одном голосе.

— Оформим травму без описания невозможного, но без лжи, — сказала она. — Несанкционированный запуск архивного электромеханического оборудования, акустическое воздействие неустановленной природы, два пострадавших. Студия опечатана. Расследование ведёт комиссия.

— Два? — переспросил Рудин.

— Мой случай тоже. Я подпишу исправление к журналу. Это решение отозвалось холодом в животе. Исправление означало взыскание, возможно отстранение от фонда. Но без него вся будущая процедура стояла бы на первом сокрытии.

Рудин долго смотрел на неё, затем придвинул журнал.

— Пишите сейчас.

Нина открыла страницу первого прогона. Под словом «холостой» оставалось достаточно места для одной строки. Она

написала: «Запись недостоверна. Выполнялось воспроизведение оригинальной ленты без разрешения; после запуска отмечено нарушение слуха. Ланская Н. В.» Поставила дату и подпись.

Рудин не стал исправлять её формулировку. Взял чистый лист и вывел заголовок: «Временная комиссия по ограничению доступа к оборудованию студии Б».

— Не по исследованию? — спросила Нина.

— Вы сами зачеркнули это слово.

Он вписал три фамилии. Председателем назначил себя, ответственным за фонд — Нину, медицинским консультантом с независимым правом вето — Ольгу. Потом добавил: «Любое решение о запуске принимается единогласно. Каждый член комиссии вправе остановить подготовку и процедуру на любом этапе».

— Моё вето должно распространяться и на вас двоих, — сказала Ольга. — Не только на приглашённых участников.

— Мы не участвуем.

— Тогда так и пишем.

Рудин дописал запрет повторного сеанса для Нины, Льва и себя. Нина следила за пером. Когда оно вывело её фамилию, катушка отца словно отодвинулась за ещё одну запертую дверь.

— Я не согласна на безусловный запрет для себя, — сказала она.

— Тогда комиссии не будет, — ответил Рудин.

— Вы заранее знали, что я соглашусь только ради доступа.

— Я заранее знаю только то, что человек, уже солгавший ради одного запуска, не должен выдавать себе разрешение на следующий.

Это было жестоко и точно. Нина посмотрела на Ольгу, надеясь хотя бы на отсрочку.

— Я подпишу только с этим пунктом, — сказала та.

Нина представила, как в мастерской режут ремень, а потом снимают шкив, деформируют вал, превращают аппарат в пустой музейный корпус. Представила голос отца, навсегда оставшийся по другую сторону четырёх минут двадцати секунд. И всё же протокол, который делал исключение ради её боли, не стоил бумаги.

— Хорошо, — сказала она. — На период работы комиссии я не участник.

— Не «на период», — уточнила Ольга. — До полного восстановления и нового отдельного решения, которое ты не принимаешь сама.

Рудин посмотрел на неё.

— Вы оставляете лазейку.

— Я оставляю медицину. Сегодня я не знаю, восстановится ли её слух. Вы не будете превращать неизвестный диагноз в пожизненный административный запрет. Но в число трёх сеансов Нина не входит.

После паузы Рудин зачеркнул первую формулировку и записал новую. Нина впервые ощутила благодарность к Ольге

не как к союзнику, а как к человеку, который не дал ни страху директора, ни её желанию притвориться окончательным знанием.

Они работали ещё час. Каждое правило рождалось из уже совершённой ошибки.

Студию распечатывают только днём. До включения свеляют номера пломб, метраж ленты и механическую схему. Участник не приносит телефон, камеру или личные вещи, которые могут создать ложное ожидание переноса. Текст согласия запрещает слова «путешествие», «встреча» и «второй шанс»: только «наблюдение субъективно воспринимаемого эпизода, связанного с оригинальной записью». В комнате остаётся внешний наблюдатель у рубильника. Продолжительность ограничивает исходная песня и независимый таймер. После возвращения участник не уходит один и не садится за руль. Результаты слуха хранятся у Ольги, а комиссия получает только допуск или запрет.

— И никаких обещаний конфиденциальности, которые мы не можем выполнить, — сказала Нина. — Если будет травма, сведения войдут в расследование.

— Но содержание увиденного не записываем, — добавила Ольга. — Только действия, ощущения, слух и соблюдение границ. Чужая семейная история не становится платой за доступ.

Рудин подчеркнул эту строку.

— Максимум три запуска, — прочёл он вслух. — Про-

грамма завершается раньше при медицинском вето, нарушении процедуры, новом эффекте, отзыве согласия, вмешательстве проверяющих или начале демонтажа. Продление запрещено.

— И после третьего привод уничтожается? — спросила Нина.

— После завершения — демонтаж опасного узла по отдельному акту. Не сегодня и не тайно. Носители остаются в фонде на обычных правовых основаниях.

— Даже если мы ничего не поймём?

— Особенно если ничего не поймём.

Он распечатал три экземпляра. Принтер захватил сразу два листа, и Рудин раздражённо выровнял стопку. Нина слышала мотор, но почти не слышала сухого шелеста роликов. За два часа она привыкла угадывать верхние звуки по движению предметов. От этого стало страшнее: к потере можно приспособиться раньше, чем признать её.

Ольга прочла документ от первой до последней строки. Исправила «обследование по необходимости» на «обязательное обследование», а «желательно присутствие сопровождающего» — на «обязательное». Убрала пункт, позволявший председателю заменить отсутствующего члена комиссии. Потом подписала.

Рудин подписал вторым.

Нина держала ручку над своей строкой. Три сеанса означали три истории, которым придётся сказать «да», и десятки

историй, которым скажут «нет». Среди отказанных уже была её собственная. Но без подписи оставалось одно решение — нож в мастерской и ложь об изоляции.

Она подписала.

Рудин собрал ремень, вилку и оба ключа в металлический ящик. Один ключ положил в служебный сейф, второй передал Нине в номерном конверте. Сам конверт пришлось подписать поперёк клапана всем троим.

— До установки внешнего останова запусков не будет, — сказал он. — Кандидатов ищем только среди обращений, которые уже имеют законное отношение к фонду. Никаких объявлений.

— И никаких предложений людям, которые не просили, — добавила Ольга.

— У нас нет просителей, — сказал Рудин.

В этот момент секретарь постучала и, не входя, просунула под дверь записку. На ней было написано крупным торопливым почерком: «Ася Волкова. По поводу записи Елены Волковой. Говорит, будет ждать сколько нужно».

Нина знала имя. Елена Волкова пела в городской группе «Северный двор» и погибла два года назад; их весенний концерт лежал в фонде на двух катушках. Ася делала подкаст о городе и однажды требовала разрешить ей использовать репетиционные разговоры сестры, потому что «правда важнее формуляров».

Рудин прочитал записку и вернул её Нине.

— Вот и первое «нет».

— Мы ещё не проверили права.

— Значит, «нет» до проверки.

Ольга закрыла медицинскую папку.

— Учитесь произносить именно так. Не «никогда», если не знаете. Не «да», потому что боитесь потерять возможность. «Нет до проверки».

Телефон в её кармане завибрировал. Ольга вышла в коридор и ответила. Через стекло Нина видела, как она слушает, задаёт короткий вопрос, потом второй. Вернулась она уже без пальто: словно разговор окончательно решил, что день будет долгим.

— Лев различает контрольные слова лучше, — сказала она. — Это не восстановление, но ухудшения нет. Он просил передать, что ремень можно заменить пассиком от старого кинопроектора.

Рудин закрыл металлический ящик.

— Передайте, что именно поэтому он не получит ключ.

Нина почти улыбнулась. Потом увидела на столе три подписи и пустую строку «Сеанс № 1».

За дверью ждала Ася с голосом мёртвой сестры, который юридически принадлежал не только памяти. В сейфе лежал ключ. В больнице Лев учился слышать контрольные слова. А в архивном шкафу катушка отца по-прежнему хранила четыре минуты двадцать секунд, до которых Нина теперь не имела права дотянуться одна.

Она сложила свой экземпляр протокола в прозрачную папку поверх ночной таблицы. Вчера они пытались выяснить, что умеет аппарат. Сегодня впервые записали, чего не имеют права люди.

Глава 5. Голос не пропуск

Ася Волкова ждала не в приёмной, а на лестнице между вторым и третьим этажами. В приёмной её попросили не записывать разговоры, и она выбрала место, которое формально приёмной не считалось. Телефон лежал у неё на колене экраном вниз. Красная точка не горела, но Нина всё равно остановилась на две ступени выше.

— Если вы записываете, выключите.

— Не записываю. Пока.

Ася поднялась. На ней было короткое синее пальто, мокрое по плечам, и тяжёлые ботинки с налипшим песком. Нина знала этот голос по городскому подкасту «Боковой фасад»: Ася говорила быстро, будто каждую фразу могла отобрать следующая новость. Там, где другие ведущие добавляли значительность паузой, она, наоборот, вырезала воздух.

— Мне сказали, вы отвечаете за фонд Волковой.

— Я отвечаю за весь музыкальный фонд.

— Тогда начнём с простого. Елена Волкова, группа «Северный двор», весенний концерт две тысячи двадцать второго года. Две катушки, репетиция и эфир. Мне нужна одна песня.

Нина посмотрела на телефон.

— Для чего?

— Чтобы услышать сестру.

Ответ прозвучал без журналистской ловкости. Ася и сама это заметила, нахмурилась и сразу вернула голосу рабочую твёрдость:

— И для выпуска. Возможно. Это зависит от содержания.

— От какого содержания?

— Того, которое я услышу.

Внизу хлопнула входная дверь. В лестничный пролёт ворвался холодный воздух, принёс запах мокрой листвы и тут же исчез. Нина подумала, что ещё три дня назад ответила бы: архив выдаёт копии по заявке, срок рассмотрения — десять рабочих дней. Теперь каждое обычное слово имело второе значение, а произносить второе было нельзя.

— Пройдёмте в читальный зал, — сказала она. — Здесь сквозняк.

— Здесь нет камер.

— Поэтому и не будем здесь разговаривать.

Ася усмехнулась, но пошла следом.

Читальный зал занимал бывший класс навигации. На стене осталась выцветшая роза ветров, поверх которой повесили правила работы с фондом. За длинным столом никого не было. Из-за протечки архив временно не принимал исследователей, и на местах лежали перевёрнутые таблички с номерами. Нина выбрала стол возле двери и не стала включать настольную лампу: верхний свет делал комнату достаточно официальной.

Ася положила телефон между ними.

— А теперь можно честно? Я знаю про студию Б.

Нина почувствовала, как внутри всё сжалось раньше, чем лицо успело сохранить неподвижность.

— Что именно вы знаете?

— Что там стоит старый аппарат. Что вы остановили оцифровку. Что Льва Грачёва увезли после ночной смены. Что Рудин собирает комиссию, в которой почему-то сидит сурдолог. И что после разговора о ленте Елены ваша секретарь не сказала мне «подайте заявку», а спросила, готова ли я пройти обследование.

Последняя подробность была хуже остальных. Нина мысленно слышала Ольгино «никаких предложений людям, которые не просили». Они успели написать протокол и не успели научить учреждение жить по нему.

— Кто вам сказал о Льве?

— Вы сейчас подтверждаете, что остальное правда?

— Я спрашиваю об источнике сведений о здоровье сотрудника.

— Я не называю источники.

— Тогда мы закончили.

Нина встала. Ася не удержала её рукой и не повысила голос. Она просто сказала:

— Лена звонила мне за девять минут до выхода на сцену. Я не ответила.

Нина осталась стоять.

— Через два года она погибла, — продолжила Ася. — Не на концерте, не из-за звонка. Обычная авария на трассе. Последний год мы почти не разговаривали. Мама говорит, что перед концертом Лена хотела помириться. Я думаю, она хотела потребовать, чтобы я убрала запись из первого сезона. У нас есть две версии. На вашей катушке есть её голос между песнями.

— Возможно, есть. Архив не составлял поминутную расшифровку.

— Но вы можете дать мне туда войти.

Слова были сказаны тихо. Не «дать запись», не «разрешить прослушивание». Нина села обратно.

— Кто употребил это выражение?

Ася отвела взгляд к розе ветров.

— Люди говорят образно.

— Не настолько точно.

— Значит, я угадала.

— Нет. Значит, кто-то нарушил служебную тайну и превратил опасный производственный инцидент в слух.

— Опасный для кого?

— Для любого, кто решит, что родство или любопытство заменяют разрешение.

Ася подалась вперёд.

— Я не «любой». Я её сестра.

— Именно поэтому вы не можете принимать решение одна.

— А кто может? Рудин? Человек, который продаёт здание по кускам? Врач, которая Елену не знала? Вы?

— Правообладатель.

— Я наследница.

— Это предстоит подтвердить документами.

— Подтвержу.

— И этическое решение семьи.

— Я семья.

Нина открыла папку, которую принесла с собой. Утром она подняла договоры по концерту «Северного двора». Муниципальный архив имел право хранить мастер-ленту, оцифровывать её для сохранности и предоставлять обычное прослушивание в исследовательских целях без публикации. Исполнительские права Елены после её смерти перешли по свидетельству о наследстве матери, Вере Павловне Волковой. Отдельное приложение запрещало публиковать репетиционные разговоры без письменного согласия исполнителей.

Она развернула копии к Асе, закрыв листом адрес и паспортные данные Веры Павловны.

— Архив владеет носителем, но не голосом вашей сестры. Наследницей указана ваша мать. На необычное использование записи существующего договора недостаточно. Нужна её прямая воля и единогласное решение комиссии.

Ася прочла страницу быстрее, чем Нина ожидала.

— «Необычное использование» — это вы сейчас придумали?

— Это точное описание того, чего договор не предусматривал.

— Значит, закона, который запрещает мне войти, нет.

— Нет и закона, который обязывает нас включить опасное оборудование ради вас.

— Но для кого-то вы его включите.

— Возможно. После проверки оснований, медицинского допуска и согласия тех, чьи права затронуты.

— Моя мать никогда не согласится.

— Тогда сеанса не будет.

Ответ ударил сильнее, чем крик. Ася несколько секунд не двигалась. Потом перевернула телефон экраном вверх и разблокировала его. На заставке две молодые женщины стояли на летней набережной, прижавшись висками. Ася была без короткой стрижки, Елена — без сценического макияжа. Их можно было принять за близнецов, если не смотреть на улыбки: Ася улыбалась объективу, Елена — сестре.

— Мама не слушала Лену при жизни, — сказала Ася. — Она считала группу блажью, концерты — позором, а любую песню — способом не получить нормальную работу. После смерти она вдруг стала хранительницей. Не даёт выпустить неизданный альбом, не отдаёт костюмы музыкантам, запрещает мне ставить даже десять секунд голоса. И вы называете это этикой?

— Я называю это установленным правом принять решение.

— Удобно.

— Нет. Неудобно было бы, если бы право определял тот, кто громче требует.

— Я знаю её лучше.

— Ваша мать, вероятно, скажет то же самое.

— Мама знала дочь, которой хотела командовать. Я знала настоящую Лену.

— А Елена кого назначила решать после себя?

Ася закрыла фотографию.

— Она не составляла завещание в тридцать один год.

— Тогда остались документы, общие правила и живые люди, которые не согласны между собой. Архив не может выбрать самого убедительного родственника.

— Зато может выбрать самого удобного.

Нина услышала собственный голос в споре с Рудиным. Только вчера она доказывала, что его административное право не даёт ему тайно резать привод. Теперь её словами прикрывали дверь перед человеком, который хотел получить четыре минуты рядом с умершей сестрой. Разница существовала, но её нельзя было показать одной печатью.

— Мой отец тоже есть на ленте, — сказала Нина.

Ася впервые посмотрела не как ведущая, ищущая слабую формулировку.

— И вы были там?

— Я не обсуждаю механизм. Я объясняю, почему личная необходимость не может быть пропуском. Если мы признаем

мою боль достаточным основанием, я выдам разрешение себе. Если признаем вашу — вам. Потом придёт человек, который хочет проверить измену. Потом тот, кто хочет услышать признание ребёнка. У каждого будет история, в которой отказ покажется жестокостью. Поэтому решение не может зависеть от того, насколько хорошо человек рассказывает о своей потере.

— Вы сравнили сестру с проверкой измены.

— Я сравнила основания. Они всегда кажутся исключительными тому, кому больно.

— И что вам сказала ваша лента?

— Недостаточно.

Ответ вырвался прежде, чем Нина успела решить, имеет ли право его давать.

Ася откинулась на спинку стула.

— Вот. Поэтому вы понимаете. «Недостаточно» — это и есть причина вернуться.

— Нет. Это причина не обещать себе, что следующая запись даст целый ответ.

— Но вы хотя бы получили свой неполный.

— Без разрешения. С последствиями. И именно поэтому не позволю сделать нарушение правилом для остальных.

В читальном зале загудела труба отопления. Звук начался низко, поднимался до тонкого дребезга и исчезал как раз там, где правое ухо Нины ещё не уверенно отделяло его от тишины. Она коснулась мочки уха, заметила движение и

убрала руку.

Ася тоже заметила.

— Это после студии?

— Медицинские сведения не относятся к вашей заявке.

— Значит, да.

— Значит, вы сейчас используете наблюдение за чужим симптомом, чтобы добыть подтверждение. Представьте, что так будут использовать голос Елены.

Ася замолчала. На секунду Нине показалось, что слова дошли, но та лишь открыла приложение заметок.

— Хорошо. Формально. Что нужно принести?

Нина перечислила: заявление с точным указанием лент и цели, документы о родстве, письменное согласие Веры Павловны именно на процедуру, а не на обычное прослушивание, согласие остальных живых исполнителей, если выбранная фонограмма включает их частные разговоры. После этого — правовая проверка, решение комиссии, обследование у независимого сурдолога и право любого участника остановить подготовку без объяснения содержания увиденного.

Ася записывала.

— Согласие матери можно прислать электронной почтой?

— Можно начать с подписанного заявления. Потом проверим личность.

— Если она согласится на обычное прослушивание, а не на... процедуру?

— Этого недостаточно.

— Если я не буду ничего публиковать?

— Всё равно.

— Если подпишу отказ от претензий?

— Мы не продаём риск в обмен на расписку.

— Если принесу свою запись?

Нина подняла глаза.

— Какую запись?

— Допустим, у меня есть кассета с Леной.

— Тогда это не предмет архивной заявки.

— Но аппарат ваш.

— Студия и аппарат закрыты. Частный носитель не создаёт права доступа к ним.

— Я спросила не про право. Он сработает?

— Я не буду инструктировать вас по использованию печатного оборудования.

Ася медленно закрыла заметки.

— Вы очень тщательно отвечаете не на вопрос.

— Потому что вопрос предполагает, что достаточно раздобыть подходящую вещь.

— А разве недостаточно?

— Голос не пропуск.

Нина произнесла это и поняла, что именно этой фразы не хватало вчерашнему протоколу. Носитель мог принадлежать архиву, семье, коллекционеру, человеку, случайно нашедшему коробку на антресолях. Ни одна форма собствен-

ности не превращала чужую жизнь в комнату, куда владелец ключа входил по желанию.

Ася посмотрела на документы, потом на телефон с фотографией сестры.

— Для вас это красивая формула. Для меня — ещё один человек говорит, что Лена принадлежит не мне.

— Она и не принадлежит вам.

— А маме принадлежит?

— Нет. Но матери принадлежит решение об использовании записи в пределах наследованных прав. Это не одно и то же.

— Для закрытой двери разницы нет.

— Для того, кто за ней, есть.

Ася резко встала. Ножки стула прошлись по полу пронзительным скрипом; Нина слышала только начало и догадалась об остальном по движению.

— Вы правда верите, что защищаете Лену?

— Я защищаю правило, по которому ни ваш микрофон, ни мой ключ не дают нам больше прав на умершего человека.

— Умершим всё равно.

— Тогда зачем вам её ответ?

Ася застегнула пальто не попадая пуговицей в петлю. Лицо у неё побледнело, но голос остался ровным.

— Потому что мне не всё равно.

— Именно поэтому решение нельзя принимать только вам.

— Вы уже его приняли.

— Нет до согласия вашей матери и проверки комиссии.

— Для неё это «никогда».

— Я не могу заменить её отказ своим разрешением.

Ася убрала телефон в карман.

— Тогда пришлите мне официальный отказ.

— Пришлю перечень недостающих оснований. Отказ будет после заявления, если основания не появятся.

— Даже отказа не дадите?

— Не стану писать «никогда», если сейчас верно «нет до проверки».

Эти слова принадлежали Ольге, но во рту Нины перестали быть чужими. Ася задержалась у двери, словно искала в них уступку. Не нашла.

— Я поговорю с матерью, — сказала она.

— Это единственный путь.

— Нет. Это единственный путь, который вы мне назвали.

Она вышла.

Нина не пошла следом. Села, собрала копии договоров и записала на полях служебной формы: «Проситель уведомлён: родство не заменяет согласия правообладателя; частный носитель не даёт доступа к оборудованию». Затем позвонила секретарю и попросила впредь не упоминать обследование до решения комиссии. Секретарь обиделась, сказала, что хотела помочь, и трижды повторила, что ничего про студию не рассказывала.

Рудин принял сообщение хуже. Он потребовал немедленно выяснить источник утечки, отменить посещения и забрать у Нины второй ключ.

— Ключ в подписанном конверте, — напомнила она. — Если вскрыть его без комиссии, это тоже будет нарушением.

— Тогда несите конверт в мой сейф.

— Два ключа в одном сейфе уничтожат правило двух держателей.

— Правило не защищает от журналиста на лестнице.

— От журналиста защищает процедура. Если начнём ментать её от страха, она ничего не стоит.

Ольга, которой они позвонили из кабинета, поддерживала только временную остановку подготовки. Никаких сеансов всё равно нельзя было проводить без внешнего таймера. Ключи она велела оставить отдельно, список осведомлённых составить без обыска телефонов, а Асин запрос рассмотреть обычным порядком.

— И письменно сообщите ей не только запреты, — сказала Ольга через громкую связь. — Напишите, какие риски установлены. Человек не обязан верить вашей таинственности.

Рудин выключил связь и мрачно посмотрел на Нину.

— Мы создали комиссию вчера. Сегодня о ней знает город.

— Пока один человек.

— Один человек с подкастом.

Нина вернулась в архив и подготовила письмо. Она не называла невозможное путешествием и не обещала встречи. Написала о субъективно воспринимаемом эпизоде, связанном с оригинальной записью, о подтверждённых нарушениях слуха, о невозможности изменить событие или получить полную картину вне акустического радиуса. Отдельной строкой указала: журналистский интерес, число слушателей и общественная значимость будущего материала не дают преимущественного доступа.

Перед отправкой она добавила: «Комиссия не оценивает силу горя и не ранжирует родство. Проверяются права на запись, согласие и допустимость риска».

Письмо ушло в семнадцать двадцать три. Через минуту пришло уведомление о прочтении. Ответа не было.

К шести Дом радио опустел. Дождь стучал по козырьку служебного входа — низкие капли Нина слышала, лёгкие угадывала. Она проверила пломбу студии Б, номер на двери и сургуч на шкафу с лентами. Конверт с ключом остался в её сейфе. На столе Льва лежали перчатки, карандаш и раскрытый каталог пассиков, словно он вышел за чаем.

Нина позвонила ему в больницу. Он ответил после третьего гудка.

— Я различаю шесть килогерц, если врач очень верит в меня, — сказал он вместо приветствия.

— Врач верит прибору.

— Прибор сегодня добрый.

Она спросила, кому он рассказывал о ночном запуске. Лев долго молчал, затем перечислил дежурную медсестру, соседа по палате и мастера театра, которому звонил насчёт таймера. Всем он говорил только об аварии аппарата.

— Асе Волковой?

— Нет. Я её видел летом, когда она искала Ленину репетицию. Почему спрашиваешь?

— Она знает достаточно, чтобы задать правильные вопросы.

— В нашем городе для этого не нужны чудеса. Достаточно секретаря и двух лестничных площадок.

— Если она свяжется с тобой, не обсуждай аппарат.

— Нин, я в стационаре. Она сюда с катушкой придёт?

Это прозвучало шуткой. Нина не ответила сразу.

— С любой записью, — сказала она. — Ничего не обещаю и позвони мне.

После разговора она внесла в журнал контактов фамилию Аси и ушла через главный вход. У служебного козырька было пусто.

Ася пришла туда через сорок минут.

Она знала, что Льва отпустили из стационара до утра забрать зарядное устройство и документы: сосед по палате выложил фотографию шахматной доски, отметил геолокацию и пожаловался, что партнёр «сбежал на работу». Ася не считала это слежкой. Она называла это проверкой открытых источников — до тех пор, пока человек не замечал её у двери.

Лев заметил.

— Архив закрыт, — сказал он.

— Мне не в архив.

В руках у неё был плоский матерчатый пакет. Она растегнула молнию и показала пластиковую коробку с компакт-кассетой. На вкладыше зелёным фломастером было написано: «Лена. Кухня. До концерта».

— Домашняя копия, — сказала Ася. — Мама записала поверх старой кассеты, потом Лена переписала себе и отдала мне. Это её голос. Моя вещь. Никаких архивных прав.

Лев не взял коробку.

— Кто сказал, что вам нужна копия?

— Нина сказала, что частный носитель не даёт права на ваш аппарат. Но не сказала, что он не работает.

— И вы решили спросить человека, которого увезли после этого аппарата?

— Я решила принести то, из-за чего никто не сможет сказать, что голос принадлежит учреждению.

За дверью вахтёр выключил половину света. Лев посмотрел на кассету, потом на мокрую улицу. Он должен был позвонить Нине. Вместо этого спросил:

— Это копия с чего?

Ася вынула кассету из коробки и протянула ему. На прозрачном корпусе под зелёной надписью проступала старая наклейка: «Речной праздник, мастер».

— Не знаю, — сказала она. — Но песня там есть. И голос

тоже.

Лев взял кассету двумя пальцами за края. Не потому, что согласился. Потому что всю жизнь сначала смотрел, как устроен носитель, и только потом вспоминал, кому тот принадлежит.

Глава 6. Копия без комнаты

Лев принёс кассету не в студию Б, а в маленькую аппаратную на первом этаже, где по ночам перегоняли районные собрания и школьные концерты. Здесь не было ни катушечно-го аппарата семьдесят восьмого года, ни серого войлока на стенах, ни двери с новой plombой. Только кассетная дека, осциллограф с выгоревшим зелёным экраном и два монитора, один из которых отзывался на включение сухим кашлем.

— Дальше вы не идёте, — сказал он Асе.

Она стояла в коридоре, прижимая к груди пустую коробку.

— Вы взяли мою вещь и теперь предлагаете ждать на лестнице?

— Предлагаю забрать её и уйти. Это лучший вариант.

— А второй?

Лев посмотрел на часы. До возвращения в стационар оставалось сорок семь минут. Нина велела позвонить, если Ася появится с любой записью. Телефон лежал в кармане халата и казался тяжелее кассеты.

— Я проверю состояние ленты. Без прослушивания содержания, насколько возможно. Скажу, можно ли её вообще ставить на деку. И верну.

— Вы ведь хотите узнать, работает ли она.

— Я хочу убедиться, что старый скотч не наматается на

ведущий вал.

— Поэтому принесли её в аппаратную ночью.

Лев прикрыл дверь, оставив щель.

— Потому что днём здесь дежурит смена, а мне официально положено лежать в палате.

— Значит, мы оба нарушаем правила.

— Нет. Вы пришли с собственной кассетой. Я совершаю глупость. Это разные статьи внутреннего распорядка.

Ася усмехнулась, но с места не сошла.

Лев надел хлопковые перчатки и осмотрел корпус под лампой. Винты не совпадали: два чёрных, три серебристых. Кассету вскрывали, возможно, не раз. На прозрачном пластике остались тонкие полукружья от ногтей. Лента лежала ровно, без складок, но у окна головки виднелась матовая полоска старого клеевого соединения.

Он вручную провернул катушку карандашом. Ход был тугой.

— Кто её переписывал?

Ася шагнула к щели.

— Лена. Наверное. На кухне стоял двухкассетник.

— «Наверное» — плохой паспорт носителя.

— Мне было девятнадцать. Я не вела журнал семейных записей.

— А надпись «Речной праздник, мастер»?

— Была до неё. Мама приносила кассеты из Дома культуры. Экономила, записывала поверх.

Лев поднёс корпус к свету. На начале ракорда не было; сразу шёл коричневый рабочий слой. Обычная бытовая кассета, прожившая несколько жизней. Она могла содержать голос Елены, шум кухни, обрывок чужого праздника и десятков механических следов, ни один из которых не отвечал на главный вопрос.

— Я сделаю техническую копию первых двадцати секунд, — сказал он. — Чтобы не гонять оригинал. Если лента пойдёт плохо, остановлю.

— Копию копии?

— Контрольный файл. Не для архива.

— А потом?

— Потом вы уйдёте.

Он хотел, чтобы это прозвучало окончательно. Получилось устало.

Лев включил деку, очистил тракт и вставил кассету. Ася всё-таки вошла. Он не вытолкнул её: для этого пришлось бы коснуться чужого плеча, устроить шум, позвать вахтёра и объяснить, почему сам находится здесь с незарегистрированным носителем.

— Не трогайте ничего, — сказал он.

— Я умею сидеть.

— Вчера вы умели подавать заявление.

Она села на край стула.

Лев нажал воспроизведение. Сначала в мониторах поднялся шорох, густой, как вода у набережной после дождя.

Потом щёлкнул выключатель, звякнула чашка и женский голос сказал:

— Не начинай сначала, я помню первый куплет.

Ася втянула воздух.

Лев сразу убрал громкость почти до нуля, но было поздно. Лицо у неё изменилось не от узнавания — от того, что узнавание оказалось телесным. Она подалась к колонке, будто сестра говорила из соседней комнаты.

— Это она.

— Я понял.

— Нет, не поняли. Она всегда злилась, когда мама просила повторить. А потом всё равно повторяла.

В записи кто-то далеко от микрофона ответил. Слов разобрать было нельзя. Елена засмеялась и взяла первую ноту без аккомпанемента. Голос качнулся, нашёл высоту. Через несколько секунд вступила гитара — неровно, с домашним дребезгом струны.

Лев остановил деку.

— Почему?

— Проверки достаточно.

— Песня только началась.

— Именно.

Он извлёк кассету. На экране осталась короткая волна: шорох, фраза, смех, начало голоса. Ася смотрела на неё так, словно график был кардиограммой живого человека.

— Вы слышали фон? — спросил Лев.

— Какой фон?

— До её слов. Там уже есть остаток предыдущей записи. Праздник стёрт не полностью. Эта дорожка собрана из разных времён.

— Но Лена на ней настоящая.

— Голос настоящий. Запись вторичная.

— Для вашего аппарата это важно?

Лев не ответил. Он увеличил спектр. Под кухонным шорохом проступала узкая полоса прежней фонограммы; два магнитных слоя времени лежали на одном носителе, но ни один не становился от этого первоисточником.

— Вы уже знаете, — сказала Ася.

— Я знаю, что кассета пригодна для обычного воспроизведения. На хорошей деке, один раз, с одновременной оцифровкой.

— Не об этом.

— Другого осмотра я не обещал.

Она встала и подошла к столу.

— Тогда зачем вы её взяли у двери?

Лев снял перчатки. Пальцы всё ещё плохо слушались после больничной капельницы, хотя врач уверял, что это от неудобной позы, а не от того, что случилось в студии.

— Потому что увидел слово «мастер».

— Значит, надеялись.

— Проверял.

— Разница только в том, кто потом пишет акт.

Он поднял кассету, но Ася не протянула руку.

— Давайте проверим, — сказала она. — Не слушать всю песню. Пять секунд на вашем аппарате.

— Аппарат отключён. Студия опечатана.

— У вас есть ключ.

— Нет.

— Вы работаете с фондом.

— Ключи разделены. И даже если бы лежали у меня в ладони, это не означало бы разрешения.

— Вчера вы подошли к себе без разрешения?

Лев замер.

Ася выдержала его взгляд.

— Я не знаю, что именно там произошло. Но видела вас у больницы. Видела, как Нина спрашивала про слух. Она написала мне о подтверждённых нарушениях после эпизода, связанного с оригинальной записью. Вы сейчас должны быть в стационаре и всё равно пришли сюда. Значит, вам тоже мало официального ответа.

— Мои ошибки не дают вам права повторять их.

— Зато объясняют, почему вы не позвонили Нине.

Телефон в его кармане завибрировал. Оба услышали. Лев достал его: сообщение от Ольги — «Вы вернулись? Отметьтесь у сестры до 20:30».

Он погасил экран.

— Забирайте кассету.

— Скажите только одно. Копия сработает?

Лев посмотрел на короткую волну. Во время первого опыта Нины была оригинальная эфирная катушка: железоокисный слой, на котором двадцать лет назад физически возникла дорожка в той самой студии. Во время их проверки — оригинальная инструментальная проба. Белая полоса появилась на самой ленте, не в файле и не в памяти аппарата. Механизм цеплялся не за содержание и не за мелодию. Иначе хватило бы цифрового файла, любого дубля, голоса из телефона. Он цеплялся за след события — за вещество, однажды бывшее внутри комнаты.

— Нет, — сказал он.

Ася не моргнула.

— Вы уверены?

— Настолько, насколько можно быть уверенным без запуска. Нужна исходная физическая дорожка. Та, которая возникла во время записи. Домашняя перезапись переносит звук, но не место.

— Голос есть, а комнаты нет.

— Да.

— А если кухня и есть нужная комната? Я хочу попасть туда, к ней, а не на концерт.

Лев снова посмотрел на кассету. Вопрос был точным и потому опасным.

— Если это оригинальная кухонная запись, теоретически...

— Вы только что сказали, что это копия.

— Вы сказали. По самой ленте я вижу перезапись и старый фон, но не могу установить всю цепочку. Если Елена пела прямо в этот двухкассетник на эту сторону, тогда голос записан здесь впервые. Если переписала с другой кассеты — нет. А студия Б может быть вторым условием, не просто аппарат. Мы этого не знаем.

— Значит, надо попробовать.

— Значит, нельзя обещать, что предмет ведёт туда, куда вы хотите. На этой стороне как минимум два события. Если механизм выберет старый «Речной праздник», вы окажетесь среди чужих людей. Если выберет кухню — вы не знаете, кто там был и что услышите. Если ничего не произойдёт, вы всё равно незаконно вскрыете студию.

— Вы говорите «вы», будто сами останетесь в коридоре.

Лев ощутил злость — прежде всего на то, как легко она нашла верную интонацию.

— Я останусь в больнице. А вы отдадите кассету матери и спросите, что именно на неё записывали.

— Мать не отдаст мне даже коробку, если узнает, зачем.

— Кассета уже у вас.

— Потому что Лена подарила её мне.

— Тогда сохраните подарок, а не превращайте его в инструмент.

Ася взяла кассету. Несколько секунд вертела её между пальцами, потом спросила:

— Где исходная концертная запись?

— В заявке указан фонд Дома радио.

— Это я знаю. Нина показала договор. Мне нужен номер.

— Подайте запрос.

— Подала. В ответе нет шифра.

— Потому что вам пока не разрешена работа с единицей хранения.

— Но вы знаете номер.

Лев отвернулся к деке и запустил очистку тракта, хотя после двадцати секунд она не требовалась.

— Знаете, — повторила Ася. — Летом я слушала оцифрованный фрагмент в каталоге. Там песня обрезана до минуты, а разговор перед ней удалён. Полная мастер-лента существует. На ней Лена сказала, зачем звонила мне.

— Вы не можете этого знать.

— Могу. После звонка она вышла на сцену через семь минут. На записи перед песней обращается к кому-то за кулисами: «Если Ася перезвонит...» Дальше каталог обрезан.

— Это может быть техническая команда.

— А может быть последнее, что сестра хотела мне сказать.

— Последнее по времени не становится завещанием.

— Для вас легко. Вы можете открыть каталог.

Лев выключил деку. В тишине аппаратной за стеной щёлкнуло реле. Правым ухом он услышал звук ясно, левым — будто через ткань. Ольга сказала, что восстановление идёт. Не обещала полного.

— Я не могу открыть его для себя, — сказал он.

— Но можете для Нины.

— Нина тоже не имеет свободного доступа.

— Она уже сходила к отцу.

Эту деталь Ася угадала, но Лев услышал её как предательство, совершённое им заранее. Чем дольше он молчал, тем больше подтверждал.

— Уходите.

— Назовите шифр, и я уйду.

— Чтобы вы взломали фонд?

— Чтобы в заявлении был точный предмет. Вы сами говорите, что правила любят точность.

— Нина найдёт запись по фамилии.

— Нина решит, какую дать комиссии. Я хочу, чтобы она не подменила полную ленту безопасным фрагментом.

Лев резко повернулся.

— Она не подменит.

— Потому что ваш друг?

— Потому что архивист.

— Тогда номер ничего не изменит.

Это было ловушкой, слишком простой, чтобы её не увидеть. Но за ней стояла кассета, на которой женщина успела взять одну ноту и была остановлена чужой рукой. Стоял его собственный пропущенный звонок матери, который он попытался догнать через тридцать лет и за который теперь расплачивался провалами слуха. Стояла Нина, уже получившая свои четыре минуты и требовавшая от остальных ждать ре-

шения комиссии.

Он не дал Асе доступ. Не открыл дверь. Не обещал запуск. Всего лишь назвал сочетание букв и цифр:

— МЛ-КВ-2147. Вторая катушка. Но без согласия Веры Павловны она останется на полке.

Ася повторила шифр один раз, без телефона.

— Спасибо.

Лев сразу понял, что благодарность была хуже любого торга.

Дверь аппаратной открылась.

Нина стояла на пороге в мокром пальто. За её спиной вахтёр держал связку служебных ключей и старательно смотрел в сторону.

— Отдай кассету, — сказала Нина.

— Она уже у Аси.

— Я вижу. Отдай пропуск в фонд.

Лев машинально коснулся нагрудного кармана.

— Нин, здесь не было запуска.

— Пропуск.

Ася положила кассету в коробку.

— Я попросила провести обычный технический осмотр моей собственности.

— В закрытом учреждении, сотрудником на больничном, без регистрации носителя, — сказала Нина. — Вы знали, что он не уполномочен.

— Он ничего не украл.

— Я разговариваю не с вами.

Лев вынул пластиковую карту. Нина не взяла её рукой: достала прозрачный пакет для вещественных носителей и велела опустить внутрь. На этикетке написала время, помещение и фамилию вахтёра как свидетеля.

— Ты серьёзно оформляешь мой пропуск как улику?

— Как изъятый идентификатор до служебной проверки.

— Я имею доступ к этой аппаратной.

— Не во время госпитализации и не для частных записей.

— Кассета не прошла в фонд.

— Зато сведения из фонда вышли сюда.

Лев посмотрел на Асю. Та не отвела глаз.

— Я сообщил номер для точного заявления.

— Ты сообщил закрытый шифр человеку без допуска через десять минут после того, как обещал мне ничего не обсуждать.

— Я обещал не обсуждать аппарат.

— Не прячься за формулировкой.

— Ты сама строишь всё на формулировках.

Нина словно не услышала последнюю фразу. Возможно, действительно не услышала: он сказал тише, а справа от неё гудел старый монитор.

— Где ключ от шкафа первичного приёма?

— В сейфе смены.

— Твой личный ключ от монтажной?

— На общей связке у вахтёра.

— Код ночного входа?

— Ты его не изымешь из моей головы.

— Я сменю код.

Ася застегнула пакет.

— Теперь у меня есть всё для заявления. Я уйду.

Нина перегородила дверь не телом — раскрытой ладонью.

— Кассета ваша, удерживать её мы не вправе. Но вы подпишете запись о том, что обычное воспроизведение проводилось по вашей просьбе, без разрешения архива и без запуска механизма студии Б.

— Чтобы потом обвинить Льва?

— Чтобы завтра вы не сказали, будто мы испытали её и получили результат.

Ася прочла короткий акт дважды. Попросила заменить «испытание» на «прослушивание первых секунд» и добавить, что архивный шифр она получила устно. Нина внесла обе поправки. Лев подписывать отказался.

— Тогда будет отметка об отказе при свидетеле, — сказала Нина.

— Ты решила сделать из меня нарушителя раньше комиссии.

— Ты сам подготовил документ.

— Никакого документа я не готовил.

— Именно.

Вахтёр переступил с ноги на ногу. Ася расписалась и ушла с кассетой. Уже в коридоре остановилась.

— Домашняя запись не подходит, — сказала она Нине.
— Нужна оригинальная дорожка. Почему этого нет в вашем письме?

Нина перевела взгляд на Льва.

— Потому что это предварительное наблюдение, а не инструкция по подбору носителя.

— Удобно: риск описываете, условие скрываете.

— Условие защищает записи от охоты за оригиналами.

— Или защищает вас от тех, кто задаёт точные вопросы.

— Для вашей сестры ничего не изменилось. Нужны права и согласие матери.

Ася сжала ремень сумки.

— Значит, я принесу согласие.

В голосе не было уверенности. Только решение выбрать единственную дверь, которую ей ещё не заперли.

Когда шаги стихли, Нина попросила вахтёра закрыть аппаратную и никого не впускать до утренней описи. Потом позвонила Рудину, сообщила о частном носителе, несанкционированном прослушивании и утечке шифра. Говорила сухо, без просьбы о снисхождении. Рудин хотел вызвать охрану и полицию; Нина ответила, что признаков хищения нет, а внутреннее нарушение они оформят сами. Она добилась только немедленной блокировки пропуска и смены кода.

Лев ждал у стены.

— Ты могла сначала спросить меня.

— Я спросила вчера. Ты сказал, что не разговаривал с ней

и позвонишь, если она придёт.

— Она уже стояла у двери. Кассета могла быть единственной записью её сестры.

— Поэтому её следовало сохранить правильно, а не тащить ночью в деку.

— Я сохранил. Двадцать секунд, минимальное натяжение, контроль тракта.

— И выдал шифр.

— Чтобы она перестала искать обход.

— Ты показал, что обход работает.

Лев провёл ладонью по лицу.

— Она всё равно нашла бы номер.

— Тогда нашла бы законным запросом, и это было бы её решение, а не твоя услуга.

— Ты уже побывала на своей записи. Рудин побывал. Я побывал. Теперь трое людей, нарушивших правила, объясняют четвёртому, почему правила священны.

— Они не священны. Они поздние. Это хуже, но других у нас нет.

— Есть честность.

— Честность — не когда ты даёшь человеку то, чего сам хотел бы получить. Честность — когда признаёшь, что из-за этого не можешь решать за него.

— Я не решал.

— Ты выбрал за Елену, что сестре можно приблизиться к её последней записи. Выбрал за Веру Павловну, что её со-

гласие — формальность после шифра. Выбрал за меня, что фонд выдержит ещё одну утечку.

— А ты выбрала за меня отстранение.

— Временно. До комиссии.

— Не говори «временно», если хочешь сказать «я тебе не доверяю».

Нина закрыла пакет с пропуском клейкой полосой.

— Я тебе не доверяю доступ к фонду. Сейчас.

Он кивнул. Не резко, не обиженно — как кивал, когда принимал техническую неисправность, которую уже нельзя устранить на месте.

— Тогда моя работа здесь закончена.

— Твоя смена закончена неделю назад. Ты должен быть в стационаре.

— Не про смену.

Лев надел куртку. Нина хотела сказать, что отстраняет его от ключей, а не от дружбы; фраза показалась настолько трусливой, что она промолчала. Дружба, которую приходилось уточнять в служебном акте, уже была повреждена.

У выхода он задержался.

— На кассете есть оригинальный кухонный фрагмент или нет — мы не установили. Не записывай как факт.

— Запишу как неизвестное.

— И ещё. Она не ищет концерт. Она ищет семь минут между звонком и песней.

— Я поняла.

— Нет, — сказал Лев. — Пока ты ищешь двадцать лет между эфиром и аварией, тебе кажется, что семь минут — это мало.

Он ушёл прежде, чем она ответила.

Нина осталась в коридоре с запечатанным пропуском. В аппаратной тихо вращался вентилятор монитора. Высокий призывок исчезал для её правого уха, когда она поворачивала голову, и возвращался, если вставала боком. Она выключила питание, проверила деку и удалила контрольный файл: частная запись не должна была остаться на архивном компьютере. В журнале отметила, что файл существовал менее часа и был уничтожен после фиксации технического факта воспроизведения.

Потом спустилась к сейфу смены. Ключи пересчитали при вахтёре. Ключ Льва от монтажной лежал на общей связке; его вынули, вложили в отдельный конверт и опечатали. Нина составила уведомление: до решения комиссии Лев не допускается к фонду, аппаратным и сведениям ограниченного каталога; медицинское сопровождение сохраняется, доступ к собственным результатам обследования не ограничивается. Последнюю строку она добавила, чтобы учреждение не превратило наказание в шантаж лечением.

В двадцать сорок две Ася сидела в машине напротив дома матери. В окне третьего этажа горел свет. Кассета лежала на пассажирском сиденье, а на обороте магазинного чека был записан шифр МЛ-КВ-2147, хотя она обещала себе запом-

нить его без бумаги.

Она набрала номер Веры Павловны и не нажала вызов.

Последний их разговор закончился словами матери: «Ты сделала из Лениной смерти работу». Ася тогда ответила, что кто-то должен рассказывать правду, и выпустила эпизод без голоса сестры — только с собственным пересказом. Выпуск стал самым прослушиваемым за год. Мать не поздравила.

Теперь можно было снова найти обход: попросить знакомого техника, снять номер пломбы, дождаться демонтажа, купить списанную ленту через посредника. Каждый путь начинался с чужого ключа и заканчивался тем, что право приходилось называть помехой.

Ася убрала чек в коробку с кассетой. Затем нажала вызов. Мать ответила не сразу.

— Что случилось?

— Ничего нового, — сказала Ася. — Поэтому я звоню.

В окне наверху дрогнула штора.

— Ты где?

— У твоего дома. У меня Ленина кассета. Я не буду подниматься, если ты не хочешь.

— Откуда она у тебя?

— Она была у меня много лет. Я принесла её в Дом радио и сделала то, за что ты будешь злиться.

Мать молчала. Ася слышала телевизор, тиканье часов и собственный указатель поворота, который забыла выключить.

— Мне нужно твоё согласие на полную концертную запись, — сказала она. — Но сначала я расскажу, зачем. Без микрофона. И если ты скажешь нет, я не стану искать другой ключ.

Щёлканье поворотника отмерило восемь ударов.

— Поднимайся, — сказала Вера Павловна.

Ася выключила сигнал, взяла кассету и вышла под дождь.

Глава 7. Одна сторона разговора

Вера Павловна пришла в Дом радио в половине девятого, когда у служебного входа ещё не успели убрать ночную лужу. На ней было серое пальто с сухими плечами и синие бахилы, которые она надела поверх ботинок ещё в тамбуре, не дожидаясь просьбы вахтёра. В руках она держала прозрачную папку. Ася шла следом с домашней кассетой и выглядела так, будто всю ночь не ложилась, но успела дважды умыться холодной водой.

Нина увидела их на мониторе и спустилась сама. Пропуск Асе после вчерашнего не выписали бы без служебной записки, а оставлять решение ночной смены она не хотела.

— Мы пришли вместе, — сказала Вера Павловна вместо приветствия.

— Я вижу.

— Это не значит, что я согласна на всё, чего она хочет.

Ася отвернулась к доске объявлений. На ней висел приказ об эвакуационной тренировке, список телефонов и афиша последнего концерта в большом зале. Слово «последний» было напечатано золотом, словно закрытие учреждения являлось жанром праздника.

Нина попросила паспорта. Вера Павловна раскрыла папку: свидетельство о смерти Елены, документы о наследовании смежных прав, старый договор с Домом радио, две рас-

печатанные страницы заявления. Бумаги были разложены в том порядке, в каком их обычно просили архивисты.

— Я не собираюсь отдавать вам оригиналы, — предупредила она.

— Не нужно. Мы снимем копии при вас.

— А кассета?

— Домашняя кассета принадлежит Асе. Для сегодняшнего решения она не требуется.

Ася крепче прижала коробку к боку.

— Вчера требовалась.

— Вчера её принесли без регистрации и слушали без допуска. Сегодня мы работаем с мастер-лентой архива.

— Благодаря номеру, который вы называете утечкой.

Вера Павловна подняла ладонь. Жест был короткий, привычный, вероятно, когда-то останавливавший обеих дочерей на середине одновременной жалобы.

— Мы договорились, что сначала говорю я.

Ася замолчала.

В кабинете комиссии уже ждали Рудин и Ольга Юдина. Рудин сидел у окна, повернувшись к двери правым ухом. Перед ним лежала служебная записка о Льве, но он перевернул её текстом вниз, когда вошли посетительницы. Ольга раскладывала на отдельном столе портативный аудиометр, одноразовые насадки и карточки с инструкциями.

На шестом стуле никого не было.

— Где ваш техник? — спросила Вера Павловна.

— Отстранён от работы с фондом, — ответила Нина. — В вашем вопросе он не участвует.

— Из-за номера, который дал Асе?

— Из-за нарушения режима доступа.

— Но номер правильный?

Нина не стала делать вид, будто вопрос можно обойти.

— Правильный.

Рудин предложил начать с документов. Вера Павловна не села.

— Начнём с условия. Я разрешаю использовать запись только для одного сеанса. Первой пойду я. Ася не войдёт в студию и не будет смотреть через стекло. После моего возвращения я решу, сохраняется ли согласие для неё.

Ася открыла рот, но мать даже не повернулась.

— Вчера ты сказала, что дашь согласие, — произнесла она.

— Я сказала: поднимайся.

— Потом ты прочла заявление.

— И нашла в нём строку об отзыве.

Нина взяла подготовленную форму.

— Условие допустимо. Согласие на каждый сеанс оформляется отдельно и может быть отозвано до запуска. Ваш сеанс не создаёт автоматического права на следующий.

— То есть она может сходить, узнать что-то и запереть дверь? — спросила Ася.

— Да.

— А если запись касается меня?

— Это не отменяет прав на голос вашей сестры и медицинских ограничений.

— Мой голос там тоже есть.

— Мы этого не знаем, — сказала Вера Павловна. — Ты сама утверждаешь, что звонила Лена. Архивная лента записывала сцену и кулисы, не твою квартиру.

Ася поставила кассету на край стола.

— Значит, опять будет половина.

— Половина — больше, чем ничего.

— Только если её получу я.

Вера Павловна наконец посмотрела на дочь.

— Ты уже получила из Лениной смерти всё, что решила получить без меня.

Рудин кашлянул и попросил не превращать комиссию в семейное разбирательство. Фраза прозвучала казённо, но Нина заметила, как он придвинул к себе перевёрнутую записку Льва, словно хотел спрятать ещё и её.

Ольга объяснила риски. Возвращение не являлось медицинской процедурой, эффект нельзя было предсказать, выпадение диапазона могло продлиться часы или недели. При любой боли, головокружении или ощущении полной тишины Вера Павловна должна была нажать кнопку на браслете. Кнопка не возвращала её сама: она подавала сигнал Нине, которая останавливала ленту.

— А если я ничего не увижу? — спросила Вера Павловна.

— Такое возможно, — ответила Нина. — Место назначения зависит от исходной записи. Вы можете оказаться у сцены, в аппаратной или в зоне служебного микрофона. Мы выбрали фрагмент, где перед песней слышен голос Елены и затем идёт её выступление. Длительность — четыре минуты двадцать восемь секунд.

— Мне сказали, семь минут.

Ася придвинулась к столу.

— Между звонком и выходом было семь. На полной катушке есть объявление ведущего, настройка и песня. Если взять с начала разговора...

— Механизм удерживается музыкальной дорожкой, — сказала Нина. — Разговор перед ней задаёт точку входа, но время возвращения ограничено песней. Мы не умеем растянуть его до нужной вам сцены.

— Удобное ограничение.

— Физическое.

— Вы говорите о нём как о расписании электрички.

— Потому что образность не сделает его безопаснее.

Ольга подвинула согласие Вере Павловне. Та читала долго, ведя ногтем по строкам. В графе «цель» собственноручно написала: «Услышать разговор дочери Елены перед выступлением и решить, разрешаю ли второй сеанс Анастасии Волковой». Затем вычеркнула напечатанное слово «исследование» и заменила на «наблюдение».

— Вы гарантируете, что Ася не услышит запись сейчас?

— спросила она.

— Обычное воспроизведение отключим от внешних мониторов, — сказала Нина. — Во время сеанса в студии будут только вы. За стеклом — я и Ольга. Рудин останется у аварийного выключателя в коридоре. Ася может ждать здесь или внизу.

— Я буду у двери, — сказала Ася.

— Не будете, — возразила мать. — Если я услышу тебя за стеной, я не пойму, откуда голос.

— Из настоящего туда ничего не проходит.

— Ты и это уже проверила?

Ася побледнела. Вопрос попал не в знание, а в способ, которым оно было добыто.

Нина предложила малый зал ожидания этажом ниже. Там не было архивного оборудования, зато стоял телефон внутренней связи. После возвращения Вера Павловна могла звонить дочь сама. Ася согласилась только после того, как потребовала записать это в протокол.

Пока Рудин снимал копии с документов, Нина и Ольга провели исходную проверку слуха. Для шестидесятилетней женщины показатели были обычными: небольшое симметричное снижение на высоких частотах, левое ухо чуть хуже правого. Вера Павловна нажимала кнопку строго, без попыток угадать. Когда сигнал был сомнительным, она не нажимала вовсе.

— Вы преподавали музыку? — спросила Ольга.

— Хоровое пение в школе. До пенсии.

— Поэтому так дисциплинированно отвечаете?

— Поэтому знаю цену ложному вступлению.

Ася сидела в дальнем углу и листала договор сестры. В одном месте её губы дрогнули. Нина увидела название песни — «Не гаси огни на пристани» — и поняла, что Ася беззвучно произнесла его. На домашней кассете была надпись той же рукой, но другая песня лежала под кухонным фрагментом. Семья хранила голоса поверх чужой музыки, архив — музыку поверх семейного разговора, и каждый слой объявлял другой помехой.

Мастер-ленту вынесли из фонда в опломбированном контейнере. Нина сверила шифр МЛ-КВ-2147, номер катушки и старую монтажную карту. В графе состава значилось: «Служебный микрофон левой кулисы; объявление; вокальный номер Е. Волковой; аплодисменты». Ни о телефонном разговоре, ни о семи минутах не было ни слова.

— Откуда вы узнали, что там звонок? — спросила Нина у Аси.

— Лена сама сказала в начале разговора: «Я звоню Асе». Мама слышала это, когда летом давали минутный фрагмент.

— Мне дали послушать только через наушники, — уточнила Вера Павловна. — Я узнала голос. Дальше сотрудник остановил файл.

— Почему вы тогда не запросили полную запись?

— Потому что не знала, что у вас можно войти внутрь.

Она произнесла это без насмешки. Нина всё равно почувствовала стыд, будто Дом радио годами прятал не техническую аномалию, а комнату, куда имелись билеты для избранных.

Перед студией Б Ася остановилась. Дверь была опечатана новой полосой с тремя подписями. Нина сняла её при всех, внесла время в журнал и открыла два замка: ключ комиссии находился у Рудина, рабочий — у неё. После истории со Львом решили, что один человек больше не должен получать и носитель, и помещение.

— Мам, — сказала Ася, когда Вера Павловна уже надела браслет. — Если Лена говорит обо мне, я имею право знать.

— Право — не то же самое, что согласие.

— Это Нина тебя научила?

— Нет. Ты.

Вера Павловна вошла в студию и села на деревянный стул перед пустым микрофоном. Нина показала ей линию на полу, за которую не следовало заходить в первые секунды. Собственная прошлая версия Веры Павловны, по их сведениям, на концерте не присутствовала, но неизвестность оставалась правилом безопасности.

— Не ищите Елену, если её не видно, — сказала Нина. — Сначала стойте на месте и слушайте. Пространство проявится само.

— Как плохая фотография?

— Скорее как комната, в которой постепенно включают

приборы.

— Вы были там?

Нина задержала руку на кабеле наушников.

— Была.

— И слышали то, зачем пошли?

— Нет.

Это был первый ответ за утро, после которого Вера Павловна перестала смотреть на неё как на кассира у закрытой двери.

— Тогда запускайте.

Нина вышла в аппаратную. Ольга проверила пульс на экране браслета. Рудин закрыл дверь коридора и поднял ладонь: зона свободна. Внизу, в малом зале, Ася должна была ждать звонка и ничего не могла сделать, чтобы приблизить его.

Лента легла на тракт ровно. Нина прокрутила немой технический хвост до метки, не включая воспроизведение, затем вернула пол-оборота по карте. Старый аппарат загудел. Вера Павловна сидела прямо, ладони на коленях.

Нина нажала пуск.

Сначала в наушниках был треск служебного микрофона и далёкий голос ведущего, который объявлял следующий номер за кулисами, не для эфира. Затем кто-то сказал: «Лена, две минуты». Шаги прошли слева направо. Послышался удар телефонной трубки о пластик.

Вера Павловна исчезла не сразу. Её силуэт будто поте-

рял резкость, совпал с серой стеной и перестал отражаться в стекле. Браслет продолжал передавать пульс.

Для неё студия ушла из-под ног.

Она оказалась в узком проходе за сценой, где стены были покрашены зелёной масляной краской. Откуда-то сверху сыпалась пыль. В форточку тянуло речной сыростью и бензином от пристани. Дом радио тогда проводил выездную запись в клубе речников, и Вера Павловна узнала место: Елена однажды привела её сюда на репетицию, но в вечер концерта мать осталась дома.

В трёх шагах стояла Лена. Ей было двадцать четыре. Волосы собраны слишком высоко, одна прядь выбилась у уха. На ней было тёмное платье, которое в семье называли синим, хотя при этом свете оно казалось чёрным. Она прижимала к плечу проводную трубку, а свободной рукой искала что-то в кармане чехла от костюма.

— Ась, ты меня слышишь? — спросила она.

Вера Павловна шагнула ближе и остановилась. Невидимость не избавляла от материнской привычки расправить дочери выбившуюся прядь.

Ответа из трубки не было. Не тишина — слабое шипение и редкие щелчки линии, слишком узкие для чужого голоса. Служебный микрофон стоял возле Елены и записывал только её сторону.

— Не начинай про маму, — сказала Лена. — Я не из-за неё звоню.

Вера Павловна замерла.

Елена слушала. Лицо её изменилось: сначала раздражение, потом усталость. На другом конце Ася говорила долго. Здесь её слова не существовали.

— Я не просила тебя врать, — ответила Лена. — Я просила один вечер ничего не рассказывать.

Снова безголосый промежуток.

— Потому что я хотела сказать сама.

Лена оглянулась на занавес. Из-за него донеслись аплодисменты предыдущему исполнителю. Мужчина с папкой показал ей растопыренную ладонь: пять минут. Она кивнула.

— Нет, билет тут ни при чём. Ася, перестань складывать всё в одну историю.

Вера Павловна почувствовала, как в груди поднимается давно знакомая тяжесть. Билет. За неделю до концерта она нашла на кухне железнодорожный билет до Приозёрска на имя Елены и решила, что дочь собирается уехать с музыкантом из областного ансамбля. Елена сказала, что билет не её. Ася тогда подтвердила. Через два дня билет исчез.

После смерти старшей дочери каждая вспоминала этот разговор по-разному. Вера Павловна считала, что Ася покрывала сестру. Ася утверждала, что мать выдумала побег, потому что не могла смириться с отдельной жизнью дочерей.

Теперь Лена произнесла слово «билет», но оно ничего не подтвердило.

— Я верну деньги после концерта, — сказала она. — Нет,

не ему. Тебе.

Вера Павловна сделала ещё один шаг. До Елены оставалась вытянутая рука. Никакой глухой зоны не возникло: в прошлом не было её самой. Можно было подойти совсем близко, увидеть тонкую царапину на дочериной шее, сухую кожу у губ, нитку на воротах платья. Нельзя было спросить, кому принадлежал билет.

— Я знаю, что ты взяла из конверта, — продолжила Елена. — Я не сказала маме.

За стеной кто-то уронил стойку. Лена прижала трубку сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.